
5

Постсоветская

Грузия

ГЛАВА 5

ПОСТСОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ

5.1. Грузия советская и антисоветская

Современный грузинский публицист пишет: «В Советском Союзе Грузия считалась своего рода демократическим оазисом. Казалось, что достаточно изменить коммунистическое управление, обрести государственную независимость и Грузия очень скоро станет такой же процветающей страной, как, например, Швейцария».¹

Интересно особое элитарное сознание: Грузия воспринимается как первая среди равных, первая в процессе демократизации среди республик, равных в своем несчастье. Стремление быть первыми, желание стать первопроходцами и лидерами сообщества наций отличало многие политические тексты, созданные в Грузии в конце XX — начале XXI в.

Бесспорно, в советское время Грузия была в некоторых отношениях страной более свободной по отношению к другим республикам. Так, сравнительно большей свободой в поздней советской Грузии пользовалась гуманитарная и художественная интеллигенция. Российские писатели и кинорежиссеры, историки и философы не без зависти смотрели на грузинских коллег. Те проблемы, о которых московские и питерские интеллектуалы говорили на кухнях, в Грузии дебатировались на заседаниях кафедр и художественных советов. Неудивительно, что переводы Чабуа Амиреджидзе и Нодара

¹ Багатурия Г. Причины кризиса системы государственного управления в независимой Грузии // Свободная Грузия. 2005. 28 мая.

Думбадзе жадно читались русскими читателями, фильмы Тенгиза Абуладзе и Отара Иоселиани ждали не только в Грузии.

Грузию отличала и большая свобода предпринимательской деятельности. Советские правила, регулирующие экономику, работали в этой республике как-то по-иному. Относительная свобода творчества и относительная свобода предпринимательской деятельности имели общий знаменатель: в Грузии не абсолютизировали значение советских законов, писанных и неписанных. Советское право работало по-разному в контексте разных правовых и политических культур.

При этом по формальным признакам грузины были одной из наиболее «коммунистических» наций: в 1982 г. из 10 тыс. грузин 826 являлись счастливыми обладателями партийных билетов, опережая по этому показателю русских с белорусами (774 и 706) и оставляя далеко позади туркмен, молдаван и таджиков (320, 316 и 268). Во всех советских республиках членство в КПСС становилось товаром, пользовавшимся спросом на рынке. Но в Грузии можно было приобрести даже доступ в номенклатуру: в 1960-е гг. один «цеховик» купил должность министра легкой промышленности республики.

Одним из факторов, определявших развитие новых независимых стран, стало отношение к России. В начале XX в. грузины были одной из наиболее русофильских наций, населявших империю. Ной Жордания, один из создателей грузинской партии меньшевиков, отец-основатель Грузинской Демократической Республики (ГДР), возникшей в 1918 г., вспоминал, что когда в своей молодости он говорил с земляками-крестьянами о независимости, то один слушатель ему «дерзко возразил»: «Мы не можем опять вернуться к продаже нашей молодежи». Речь шла о рабстве в Турции, в которое попадали многие девушки и юноши. Жордания отметил: «У меня язык не повернулся возражать».

При этом те же грузинские крестьяне враждебно относились к русским чиновникам. Они были возмущены и тем, что древняя Грузинская Православная церковь потеряла автокефалию, а в храмах звучит совершенно непонятный им церковнославянский язык. Но те же крестьяне хорошо воспринимали русскую армию и императора. Когда Жордания в просветительских целях поведал землякам об изобретении Эдисона, то возбужденный слушатель воскликнул: «Слава тебе, Господи! Чего только не выдумает русский царь!» Простодушные крестьяне считали: все хорошее, что делается в мире, — это благодаря царю.²

Если верить Жордания, то русофильство грузинских крестьян было связано с исторической памятью о турецкой опасности,

² Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 5, 7, 28.

низким уровнем образования и верой во всемогущество русского царя. Но русофильство отличало не только крестьян.

В годы Первой мировой войны сторонники независимости Грузии были поражены, столкнувшись с желанием соотечественников защищать империю. Один из них писал: «Я никогда не мог бы себе представить, чтобы после ста с лишним лет притеснений и недавних волнений мог бы быть у них такой подъем духа. Я диву даюсь, оглядываясь кругом. Точно какая-то неведомая сила спаяла всех, все, как один человек, идут на войну, не говоря об обязательной повинности — идут добровольцами, которых — хоть отбавляй. Я только могу говорить то же, что говорил 25 лет тому назад, что грузины консервативны и самые преданные России. А в награду их надо давить и жать возможно крепче».³

После свержения царизма Грузинская Православная церковь вновь обрела автокефалию. А 26 мая 1918 г. была провозглашена независимая Грузинская Демократическая республика (этот день отмечается в современной Грузии как государственный праздник). Падение в 1921 г. Грузинской республики, захваченной большевистской Россией, оставило глубокий след в сознании образованных грузин, память о коротком периоде независимости продолжала жить. На сознание же народных масс влияло то, что всемогущим царем стал теперь грузин.

На изменение политических и исторических оценок грузин влияли урбанизация и распространение образования. В 1926 г. 26% населения жило в городах (при этом значительную часть горожан составляли представители иных этнических групп — армяне, русские, евреи, персы). В 1979 г. горожане составляли уже 52,4% населения. Грузия стала менее деревенской, а ее города — более грузинскими.

Но удар по советской идеологии и русофильству нанесла именно приверженность широких масс сталинизму. В марте 1956 г. партийный и комсомольский актив стали знакомить с секретным докладом Н. С. Хрущева на XX съезде. В это время в Грузии проходили траурные мероприятия, посвященные трехлетней годовщине смерти Сталина, поэтому чтение доклада воспринималось как кощунственное оскорбление и национальное унижение. В Тбилиси начались студенческие демонстрации протеста, в них участвовали десятки тысяч людей. Приходили и люди постарше, в том числе верные члены партии. На митингах требовали снять Хрущева, Микояна и Булганина, поставить во главе правительства Молотова, а в ЦК ввести Василия Сталина. Ходили слухи, что Мао Цзэдун потребовал передачи ему мумии Сталина (некоторые даже верили в чудесные умения китайских медиков, готовых по приказу партии оживить вождя).

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1995.

Демонстрации проходили и в других городах Грузии. Они были жестоко подавлены. Власти ввели в города бронетехнику, внутренние войска открыли огонь. Десятки людей были убиты (Шеварднадзе потом писал о «150 убитых студентах»), сотни — арестованы. Движение было подавлено, но вера в справедливость Москвы была расстреляна.

Для многих грузин демонстративный сталинизм стал формой оппозиционности. Массовый и народный характер приняло сопротивление хрущевской десталинизации. Местные власти при поддержке населения прятали в надежных местах памятники вождю, снимавшиеся по распоряжению Москвы. Во времена Брежнева они были водворены на свои места, цеховики приступили к изготовлению брелоков с портретами Сталина и бюстов вождя, а шоферы украшали ветровые стекла фотографиями генералиссимуса.

Не вся грузинская интеллигенция, пострадавшая от нескольких волн репрессий, поддерживала народную сталиномию. В республике развивалось и оппозиционное движение иного рода. В нем большую роль играли дети. Дети начальников и знатных лиц. Советскую послевоенную историю невозможно представить себе без сыновей и дочерей номенклатурных работников, которые с детства ощущали свое особое, привилегированное положение. Они чувствовали, что им позволено многое такое, что не разрешено их сверстникам. Правительственные дачи и распределители, доступ к информации и чувство защищенности. Ощущение того, что общие правила для них необязательны. Порой это создавало немало проблем и для детей, и для отцов. Нередко это создавало проблемы и для властей.

В Грузии, где значение родственных и дружеских связей было особенно велико, а желание дистанцироваться от Москвы объединяло порой самые несоединимые группы и кланы, фактор «знатных детей» приобретал особое значение.

Звиад Гамсахурдиа был представителем знатной династии. Его отец, писатель Константинэ Гамсахурдиа, выпускник Берлинского университета, был живым классиком, титул «грузинского Горького» предоставлял немало возможностей. Правда, в молодости он, убежденный сторонник независимости, был чиновником министерства иностранных дел ГДР. Неудивительно, что в 20-е гг. К. Гамсахурдиа оказался на Соловках, но в более опасные 30-е он смог стать членом республиканской Академии наук и живым классиком. Классиком, сумевшим выжить...

В отцовском особняке Звиада окружала атмосфера оппозиционности, в «большом мире» он чувствовал себя избранным и защищенным. Способный и честолюбивый 15-летний юноша вместе со своим другом и сверстником Мерабом Костава в середине 50-х

создал подпольную организацию «Горгаслиани». Молодые люди распространяли нелегальные листовки, пытались преобразовать протест 1956 г. в национально-освободительное движение. В апреле 1957 г. члены организации были арестованы, но после 6-месячного заключения вышли на свободу. В 1959 г. они были вновь задержаны за сопротивление представителям власти, но приговор был удивительно мягким — три года лишения свободы (условно).

Арест и статья для граждан СССР были черной меткой на всю жизнь, но Звиад в 1958 г. стал студентом филологического факультета Тбилисского университета, а Мераб Костава поступил в Тбилисскую консерваторию. Получив диплом, Костава начал преподавать в музыкальной школе, а Гамсахурдиа стал научным сотрудником элитного академического Института грузинской литературы. Он много публиковался, был принят в Союз писателей, получил ученую степень.

Друзей продолжала интересовать политика. В 1973 они создали Инициативную группу защиты прав человека, в 1976 — Грузинскую Хельсинкскую группу. Их деятельность получила признание международного сообщества правозащитников, в 1975 г. они стали членами «Эмнести интернешнл».

В 1977 г. Гамсахурдиа и Костава были арестованы. На суде Гамсахурдиа выступил с покаянием и получил сравнительно мягкий приговор, его сослали в горное поселение в Дагестане. Костава же отбывал срок в Сибири. В 1979 г. Гамсахурдиа был помилован Указом Верховного совета Грузинской ССР. Этому предшествовало прошение, в котором он осуждал «фарисейскую кампанию, развернутую на Западе под прикрытием лозунга защиты прав человека». Обращение Гамсахурдиа было использовано советской пропагандой для дискредитации оппозиции, «кающегося» писателя показывали по телевидению. Бывшему диссиденту разрешили вернуться в Тбилиси, он получил место старшего научного сотрудника в Институте грузинского языка. Костава же продолжал отбывать свой срок. В 1982 г. он был вновь арестован за «хулиганство», в 1985 г. последовал новый срок «за злостное нарушение режима». В 1987 г. Костава был помилован.

Разумеется, не все представители грузинской интеллигенции были связаны с диссидентским движением, но оппозиционность находила и другие формы. В 1960-е гг. все чаще образованная молодежь стала обращаться к церкви (Гамсахурдиа, например, стал членом церковного совета тбилисского храма Сиони). Степень религиозности при этом была различной, для многих принадлежность к Грузинской православной церкви являлась прежде всего формой выражения национального чувства. Этому способствовали независимость и авторитет патриарха Ефрема II, возглавлявшего церковь с 1960 по 1972 г.

Важным полем общественной борьбы стала национальная история. Некоторые историки и публицисты умудрялись публиковать работы, посвященные темам, которые замалчивались официальной историографией. Порой они пользовались молчаливой поддержкой влиятельных грузинских партийных чиновников.

Правда нередко альтернативная история излагалась с грузинских державных позиций, национальным меньшинствам в ней не находилось должного места. Иногда в скрытой форме проводились антирусские и антиармянские идеи.

Особую поддержку приобрело движение противодействия насаждению русского языка в республике. В 1970-е гг. в школьных программах за счет других предметов увеличивалось количество учебных часов, отводимых на изучение русского языка. Все шире внедрялся он и в вузах. Выступления известных писателей и ученых, защищавших родной язык, получили широкое распространение.

Поводом же для массового протеста стали изменения конституции в 1978 г. Вслед за союзной конституцией «развитого социализма» меняли свои основные законы и республики. В старой тексте указывалось, что грузинский язык является государственным языком Грузинской ССР. Новая же конституция гласила: «...на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех органах и учреждениях русского, а также других языков, которыми пользуется население. Какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются». Это было воспринято как русификация и одновременно как знак поощрения для национальных меньшинств противопоставлять свои языки грузинскому.

Верховный совет должен был «единодушно» одобрить новый текст конституции 14 апреля. Но в этот день в Тбилиси состоялась массовая демонстрация, преимущественно состоявшая из студентов. Милиция отсекла основную часть демонстрантов, но тысячи прорвались к Дому правительства. Власти предложили бушующей толпе назвать грузинский язык «республиканским». Но возбужденные демонстранты скандировали: «Государственный». В итоге Верховный совет сохранил старую статью без изменений. Похоже, депутаты сами были рады, что давление улицы заставило их принять такое решение, в зале заседаний четверть часа раздавались аплодисменты и торжествующие возгласы. Ликовала и толпа на площади. Люди не желали расходиться. Лишь только тогда, когда перед ними выступил 1-й секретарь ЦК Компартии Грузии Э. Шеварднадзе, который зачитал текст статьи конституции, демонстранты стали покидать площадь.

Эти события имели серьезные политические последствия. Много людей приобрело опыт успешной политической мобилиза-

ции, удачного давления на власти. Никто из организаторов акции не был исключен из вуза. Среди них оказалось немало «знатных детей», но не только этим можно объяснить отсутствие репрессий: движение было столь массовым, что показательные наказания могли спровоцировать новые волнения. День 14 апреля стал памятной датой. И впоследствии оппозиционные акции приурочивались к этому дню.

В выигрыше был и 50-летний Эдуард Шеварднадзе. Выпускник медицинского техникума и истфака Кутаисского пединститута, он в 18 лет стал кадровым комсомольским работником, в 20 лет вступил в партию. В 29 лет стал первым секретарем ЦК комсомола Грузии, а в 1961 г. перешел на партийную работу. Через три года энергичного аппаратчика бросили на охрану общественного порядка, вскоре он возглавил республиканское МВД. Должность была опасной: коррупция в Грузии стала легендарной. Шеварднадзе, получивший звание генерал-полковника милиции, проявил изрядное рвение в борьбе со взяточниками и, если верить слухам, набил чемоданы компроматом на республиканское руководство. Москве нравилась напористость министра, в 1972 г. Шеварднадзе стал первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Борьба с коррупцией продолжалась в больших масштабах, с 1972 по 1974 г. было арестовано 25 тыс. человек, в том числе 10 тыс. членов партии. Разумеется, Шеварднадзе не искоренил взяточничество и криминальный бизнес, но свое влияние он значительно укрепил.

Кризис 1978 г. также усилил авторитет Шеварднадзе, ставшего в этом году кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Он смог избежать насилия, он сумел убедить членов Политбюро изменить решение. Для Москвы он был человеком, успокоившим толпу. Для многих грузин — умелым политиком, способным повлиять на Москву. Радикальные студенты могли считать Шеварднадзе оппортунистом, но для «молчаливого большинства» (если этот термин применим к грузинам, славящимся своим красноречием) первый секретарь был умелым политиком. И в дальнейшем Шеварднадзе лавировал, сохраняя хорошие отношения с Москвой, но в то же время поддерживая диалог с независимой грузинской интеллигенцией, протестующей против русификации. Так, он встречался с демонстрантами-студентами, которые в ряде случаев добивались отмены непопулярных решений. Протесты интеллигенции и учащейся молодежи порой заставляли власти освобождать людей, арестованных КГБ.

Борьба за историческое сознание обострилась в 1983 г., в связи с 200-й годовщиной русско-грузинского договора, отдававшего страну под покровительство России. Газеты печатали статьи, посвященные вечной дружбе братских народов (красноречивый

Шеварднадзе как-то сказал, что «...для Грузии солнце всегда встает на Севере»). Но немалая часть грузин считала договор трагической страницей национальной истории, его следствием была аннексия Грузии. В текстах самиздата публиковались соответствующие выдержки из документов и исторических исследований. Листовки же призывали бойкотировать празднование юбилея. Состоялись демонстрации протеста. Но они не были многочисленными, часть организаторов были задержаны, некоторых потом отпустили.

Среди арестованных в 1983 г. оказались представители «нового поколения» национального движения: 22-летний И. Церетели, 24-летний Г. Чантурия.

Среди других проблем, привлекавших внимание активистов оппозиционного национального движения, были охрана природы и борьба за сохранение памятников. Но перед теоретиками национального движения Грузии стояла необычайно сложная задача — они должны были выработать такую модель патриотизма, которая бы объединила различные этнические группы, живущие на территории республики. Хотя более 95% грузин жили в пределах своей республики, но они по переписи 1989 г. составляли лишь 68% населения (в 1959 г. — 64,3, в 1979 — 68,8%). При этом 9% составляли армяне, 7,4 — русские.

Особенно остро эта проблема стояла в связи с существованием на территории Грузии автономий. Так, ко времени перестройки население Южно-Осетинской автономной области составляло около 99 тыс. жителей. Из них осетин по разным оценкам насчитывалось 60–65, грузин — 25–30%.

В Абхазии демографическая ситуация была иной. Грузины составляли 45,7% населения автономии, абхазы — 17,8. Однако грузин не устраивало то, что абхазы, представляя «титულную нацию» преобладали в руководстве республики. Абхазы же полагали, что власти намеренно проводят «демографическую экспансию», способствуя переселению в автономию грузин.

Официально в состав Грузии в качестве автономии Абхазия вошла в 1931 г., до этого у нее имелся не очень определенный статус договорной республики. Но в исторической памяти абхазов жило представление о том, что их родина являлась союзной республикой, статус которой якобы был равен грузинскому. В 1957, 1967 и 1978 гг. «видные люди» автономии ставили вопрос о переходе Абхазии под юрисдикцию РСФСР. Память об этих неудачных попытках влияла на абхазо-грузинские отношения.

Колебания имперской политики в Абхазии повлияли и на развитие национальной письменности. Первый абхазский алфавит был со-

здан в 1862 г. на основе кириллицы, в 1926 г. его заменили так называемым аналитическим алфавитом Н. Марра, в 1928 — латинизированным русским, в 1938 — грузинским, а в 1954 г. — вновь русским. Грузинские ученые негативно оценивали последнюю реформу.

В трех восточных районах Грузии, в которых преобладало азербайджанское население, еще в 1970-е гг. возникло Борчалойское движение, выступавшее за создание автономии. В 1978 г. был образован Марнеульский национальный район (азербайджанцы составляли в нем 80% населения). Наконец, в Джавахетии, на юге Грузии, проживало значительное армянское население. В двух районах армяне составляли до 90%.

В некоторых русских диссидентских антиимперских текстах Грузия называлась «малой империей», существующей внутри империи большой. Грузинские диссиденты, проявлявшие солидарность с антиимперскими движениями в других республиках, категорически отрицали модель «малой империи». С их точки зрения, автономии на территории Грузии были искусственными созданиями большевиков. Широко использовался образ гостеприимных грузин, назвавших множество гостей, которые бесцеремонно обосновались в лучших комнатах дома, вытеснив простодушных хозяев на кухню и в чулан.

Гамсахурдиа уделял много внимания защите прав грузин на территории Грузии. Многие грузинские диссиденты, используя язык движения за защиту прав человека, фактически были заинтересованы правами нации. При этом отрицалось право на автономию за теми этническими группами, которые не являются автохтонными. А так как для национального движения авторитетными были те историки, которые считали единственным автохтонным населением Грузии грузин, то боевым лозунгом многих диссидентов стал к призыв к ликвидации на территории республики всех автономий. Звучали призывы к борьбе с «арменизацией», «русификацией», «азербайджанизацией». Одновременно выдвигалось требования репатриации грузин, живущих в России. Некоторые грузинские диссиденты даже категорически выступали против смешанных браков...

5.2. Перестройка в республике

Приход Горбачева к власти отразился на судьбе Шеварднадзе. Кремлеведы и советологи всего мира с удивлением комментировали весть о том, что секретарь республиканской компартии стал

министром иностранных дел СССР. В МИДе кадровые дипломаты настороженно восприняли прибытие «грузинского милиционера». Но Шеварнадзе быстро завоевал авторитет. Вскоре он приобрел и международную известность, а связи, установленные в этот период, помогли ему после возвращения в грузинскую политику в 1992 г. Отчасти это объясняется тем, что Шеварнадзе был приятным партнером по переговорам, воспоминания о них связывались у западных дипломатов с важными достижениями: «Мы получили 120% от того, что мы желали получить», — писал о соглашениях по разоружению посол США в СССР Дж. Мэтлок.⁴

Был ли Шеварнадзе просто уступчивым, в чем его упрекали советские и постсоветские ястребы? Отражал ли он политику МИДа, видение которого отличалось от понимания ситуации военными? Во всяком случае, международный авторитет его не был связан со «сдачей позиций», некоторые более уступчивые дипломаты были забыты сразу же после их отставки.

Отъезд Шеварнадзе в Москву менял расстановку сил в республике. Можно предположить, что, оставаясь в Грузии, он смог бы влиять на развитие национального движения, не подавляя его, но ограничивая его радикализацию. Вместе с тем нарастающая антикоммунистическая волна наверняка смела бы даже такого незаурядного мастера политического маневра. Шеварнадзе прожил этот период за пределами Грузии, а репутация одного из создателей «нового политического мышления» и критика «консерваторов» позволила ему создать новый образ. Благодаря этому он смог вернуться во власть в 1992 г.

Перестройка предоставляла для оппозиционных сил Грузии особые возможности. Традиции допустимого антиимперского фрондирования позволяли местным диссидентам поддерживать особые связи с республиканской советской элитой, включая и известную часть номенклатуры. Движение в защиту национального языка и возрождение влияния грузинской церкви укрепляли авторитет местных диссидентов в самых широких слоях общества. Наконец, в некоторых ситуациях их могли поддержать деятели «теневого экономики». Ни в одной другой советской и постсоветской республике воздействие вхождения диссидентов в политику, а затем и во власть не было столь впечатляющим.

В 1987 г. было создано Общество Ильи Чавчавадзе, объединившее активистов десятков правозащитных и национальных организа-

⁴ Цит. по: *McGiffert Ekerdahl C., Goodman M. A. The Wars of Eduard Shevardnadze. University Park (PA), 1997. P. XIX (Introduction).*

ций. Среди его лидеров были Мераб Костава, освобожденный перестройкой из ссылки, и Звиад Гамсахурдиа. Костава, пользовавшийся большим авторитетом среди оппозиционеров, настоял, чтобы покаяние Гамсахурдиа перед властями, вызвавшее осуждение многих диссидентов, было забыто. Создатели организации заявляли, что в центре их внимания — борьба за сохранение грузинской культуры.

Чтобы перехватить популярные лозунги культурного возрождения, Компартия санкционировала создание Общества Руставели. Но в 1988 г. произошла политизация движений, на основе диссидентских групп возникло несколько партий, а Костава и Гамсахурдиа создали Общество Святого Ильи Праведного (Илья Чавчавадзе канонизирован Грузинской православной церковью).

В ноябре эти политические организации провели ряд митингов, они протестовали против изменения законодательства СССР, которое делало фактически невозможным выход республик из Союза. Организаторы заявляли, что они привержены ненасильственным методам борьбы, но в то же время именовали себя оппозицией «непримиримой»: в отличие от оппозиции в Прибалтике они отказывались принимать участие в выборах в советские органы власти.

Между тем национальный сепаратизм проявлялся не только в столице Грузии. В марте 1989 г. в абхазском селении Лыхны состоялся 30-тысячный «сход» с участием местных руководителей (включая первого секретаря обкома), который поддержал предложение о выходе Абхазии из Грузии и восстановлении статуса «союзной» республики. Местное грузинское население организовало митинги протеста, произошли стычки, были ранены. Для предотвращения конфликта в Абхазию были введены войска МВД СССР. Но конфликт в автономии спровоцировал новый кризис в Тбилиси. Поворотным пунктом в истории Грузии стали события 9 апреля 1989 г.

Грузинские неформалы приступили к организации акций протеста. С 4 апреля они стали непрерывными. Несколько членов Общества Ильи Чавчавадзе начали голодовку, требуя ликвидации всех автономий в Грузии и отставки республиканского правительства. Митинг солидарности с участниками голодовки у Дома правительства стал массовым.

По замыслу организаторов акции, движение должно было достигнуть своего пика 14 апреля, в день годовщины демонстрации 1978 г. Был создан забастовочный комитет, некоторые предприятия прекратили работу. Первоначально основную часть манифестантов составляли студенты, затем к ним присоединились и рабочие. У Дома правительства митинговали уже десятки тысяч. Назывались и более высокие цифры (до 200 тыс.).

На митинге провозглашались все более радикальные антикоммунистические и антирусские лозунги. Рядом с грузинскими плакатами размещались лозунги на английском: «**Russian occupants, go home!**» **Главной задачей движения становилось быстрое обретение государственной независимости.** Звучали требования введения войск ООН. Раздавались призывы о вступлении Грузии в НАТО.

В 1989 г. эти требования вряд ли были реалистичными, но руководители национального движения и не считали себя политиками, желающими достигнуть выгодного компромисса. Они призывали свергнуть «марионеточное правительство», они желали революции, они требовали от своих сторонников самопожертвования.

Руководители Грузии боялись самостоятельно принимать важные политические решения, а использовать силу могло только руководство СССР. Джумбер Патиашвили, первый секретарь республиканской компартии, обратился в Москву, требуя ввести чрезвычайное положение и арестовать лидеров движения. Политбюро под председательством Е. К. Лигачева одобрило это предложение, в Тбилиси ввели войска. Горбачев и Шеварднадзе, только что прибывшие из Англии, поддержали это решение. Организаторы митинга довольно быстро узнавали о готовящихся против них мерах: в республиканском правительстве и ЦК у них было немало сочувствующих и информаторов.⁵

Шеварднадзе должен был вылететь в Грузию, чтобы способствовать преодолению кризиса, однако не сделал этого. Получив успокоительные сведения от руководства Грузии, он остался в Москве. Однако маловероятно, чтобы Шеварднадзе довольствовался лишь одним источником информации. Очевидно он понимал, что в данных условиях поездка была бы политическим самоубийством.⁶ Изменившаяся расстановка сил, различная политическая культура и психологическое состояние основных участников событий (лидеры неформалов, демонстранты, партийное руководство Грузии, командование советских войск), — все это делало неизбежным трагический исход.

Восьмого апреля над городом кружили боевые вертолеты, через Тбилиси прошла бронетехника, чтобы устрашить демонстрантов. Но эффект оказался обратным. Молодые люди закидывали бронетранспортеры камнями, несколько солдат было ранено. В других местах люди ложились перед боевыми машинами, военные отступали. Среди манифестантов это вызвало необычайный эмоциональный подъем, возникло ощущение первой победы революции. На площади царили воодушевленное и одновременно жертвенное настроение. Люди пели,

⁵ Собчак А. Тбилисский излом или Крвавое воскресенье 1989 года. М., 1993. С. 106.

⁶ Затем возникали слухи, что он все-таки тайно посетил республику.

танцевали. В то же время лидеры движения в своих речах призывали к решительным действиям. Сооружались баррикады, создавались отряды из спортсменов и ветеранов войны в Афганистане.

Вечером 9 апреля части МВД и Советской армии начали вытеснять демонстрантов из центра города. Им оказали сопротивление. Десятки солдат были ранены, но пострадавших среди манифестантов оказалось гораздо больше. Даже по данным прокурора СССР, очевидно заниженным, за медицинской помощью обратилось примерно 3000 человек.⁷ Но самым трагичным итогом событий стала смерть 19 человек, большей частью женщин. Организаторы манифестаций, включая Гамсахурдиа и Костава, были задержаны.

События резко изменили ситуацию в Грузии. До этого момента немалая часть грузинского общества не готова была поддержать радикалов. Образ «империи зла» противоречил семейной памяти и жизненному опыту многих грузин. Но после 9 апреля стало психологически трудно критиковать Гамсахурдиа и Костава, трагические события наглядно иллюстрировали их тексты и речи. Образ девушек, убитых советскими солдатами, стал важным элементом грузинской исторической памяти. Национальное движение набирало силу и радикализировалось. Лозунг борьбы за полную независимость получал все большую поддержку, грузины готовы были поддержать самых радикальных радикалов.

Бойня в Тбилиси вызвала возмущение не только в Грузии. Первый съезд народных депутатов СССР начал свою работу с минуты молчания: депутаты почтили память погибших. Была создана комиссия для расследования событий. Руководство СССР не ожидало такого исхода. Было сменено руководство республики. Грузию возглавил 44-летний Гиви Гумбаридзе. Он стал первым секретарем ЦК, а через полгода и председателем президиума Верховного совета.

Новое партийное руководство неуклюже пыталось лавировать, стремясь перехватить национальные лозунги у радикалов. В мае день объявления независимости (1918 г.), отмечался как государственный праздник. В ноябре Верховный совет республики осудил аннексию 1921 г. В марте 1990 г. была принята Декларация о суверенитете, Верховный совет объявил незаконным Союзный договор 1922 г. и осудил идею создания поста президента СССР. В июне было провозглашено главенство республиканского законодательства над общесоюзным.

Мераб Костава погиб в автомобильной катастрофе в конце 1989 г., после этого бесспорным лидером национального движения

⁷ Лигачев Е. «Тбилисское дело». М., 1991. С. 86.

стал Гамсахурдиа. Он поддержал новую голодовку студентов, требовавших политических преобразований. Голодовка была прекращена, когда власти согласились провести многопартийные выборы. Это требование студенты выдвигали по совету Гамсахурдиа, который теперь, изменив свою прежнюю позицию, готов был участвовать в выборах. В отличие от других лидеров «непримиримых» он теперь склонялся к «литовскому сценарию». Под давлением оппозиции, организовавшей ряд акций протеста, в том числе и блокаду узловых железнодорожной станции, был принят новый избирательный закон.

В октябре 1990 г. на выборах в Верховный совет победил блок Гамсахурдиа «Круглый стол — Свободная Грузия», получивший 54% голосов (155 из 250 мест). Грузия гордилась тем, что стала первой советской республикой, в которой были проведены свободные парламентские выборы на многопартийной основе. В то же время Грузия оказалась единственной республикой, в которой радикалы из диссидентов одержали победу. Правда, в Аджарии блок набрал всего 19,8%, а компартия получила 55,9%: грузины-мусульмане без энтузиазма следили за призывами тбилисских неформалов консолидировать нацию на основах «христианизации» и ликвидировать автономию.

Компартия в масштабах всей страны смогла набрать 29,6%, но реальной оппозицией не стала: многие аппаратчики стремились примкнуть к новой партии власти. Верховный совет возглавил Гамсахурдиа, Совет министров — директор Института металлургии Тенгиз Сигуа. В конце марта 1991 г. в Грузии был проведен референдум. В соответствии с его итогами 9 апреля, в день тбилисский трагедии, Верховный совет республики принял Акт о восстановлении государственной независимости. Грузия стала второй после Литвы республикой, объявившей о выходе из СССР.

В мае 1991 г. Гамсахурдиа был избран президентом, получив более 86% голосов избирателей. Правда, ряд обозревателей полагали, что эти выборы уже не были столь свободными. Национальные СМИ явно поддерживали Гамсахурдиа, а на оппозиционных кандидатах оказывалось жесткое давление. Но вновь избранный президент пользовался бесспорной массовой поддержкой. Журналисты писали о харизматическом лидере, мастерски владеющем настроением обожающей его толпы. Однако обстановка в Грузии осложнялась. Этому способствовали некоторые действия нового президента, который все более демонстрировал авторитарный политический стиль. Жесткий курс бывшего соратника осудили и некоторые видные диссиденты. Гамсахурдиа отвечал репрессиями, ограничивая свободу печати. Бывшие союзники маркировались с помощью привычных ярлыков: «враг грузинского народа», «агент Кремля и КГБ».

«Деарменизация» и «деазербайджанизация», выселение лезгинских и месхетинских семей обострили ситуацию в ряде районов. А сторонники Гамсахурдиа требовали лишения всех негрузин права голоса. Требовали даже государственного регулирования рождаемости национальных меньшинств...

Но особенно сложная ситуация складывалась в автономиях, которые без энтузиазма следили за юридическим и политическим дистанцированием Тбилиси от Москвы и вовсе не готовы были согласиться с ликвидацией автономий. Сепаратизм республиканский не мог не породить сепаратизма автономий, опиравшихся на поддержку руководства СССР.

Еще в 1988 г. в Южной Осетии возникают национальные движения. Непосредственными причинами для их возникновения были протест против программы обязательного введения грузинского языка в официальных учреждениях, а также недовольство сложной экономической ситуацией.

В ноябре 1989 г. власти Южной Осетии решили повысить статус автономии, объявив о создании автономной республики, Верховный совет Грузии отменил это решение. Гамсахурдиа призвал своих сторонников поддержать соотечественников, которые де испытывали «геноцид» со стороны осетин и показать «кто является хозяином на древней грузинской земле». Десятки тысяч грузин попытались совершить марш протеста в столицу автономии, но были остановлены внутренними войсками МВД СССР. Однако не всегда удавалось предотвратить столкновения: несколько человек погибло той зимой.

В апреле 1990 г. Верховный совет СССР высказался за повышение статуса автономий. Союзное руководство поддерживало последние, надеясь с их помощью удержать Грузию в составе СССР. Это, в свою очередь, способствовало еще большей радикализации грузинского национального движения.

В сентябре 1990 г. лидеры Южной Осетии объявили о создании Советской Демократической Республики в составе СССР, это произошло еще до формального выхода Грузии из Союза. Девятого декабря прошли выборы в парламент автономии, но местное грузинское население их бойкотировало. Одиннадцатого декабря Верховный совет Грузии лишил Южную Осетию всякой автономии. Верховный совет Союза ввел чрезвычайное положение в осетинских районах, а Грузия начала экономическую блокаду региона.

В начале 1991 г. грузины и осетины проводили этнические чистки в селах. В Южную Осетию были введены грузинские милиционеры и ополченцы, что привело к нарастанию конфликта. В конце января арестовали Тореза Кулумбегова, южноосетинского лидера. Шли

настоящие военные действия, сопровождавшиеся жестоким террором против мирного населения. Так, в марте осетинские ополченцы заживо сожгли четверых грузинских крестьян. Похоже, личный вклад Гамсахурдиа в обострение конфликта был весьма велик, он и не пытался найти какой-то компромисс с осетинскими лидерами.

Не менее сложно развивались события в Абхазии. В июле произошли столкновения в Сухуми, столице автономии. Одной из причин конфликта было разделение Абхазского университета по национальному признаку. Семнадцать человек, в том числе 11 грузин, погибло.

В августе 1990 г. Верховный совет Грузии запретил деятельность региональных политических партий. Это ограничило возможность переговоров с абхазскими лидерами, которые еще ранее, чем Южная Осетия, взяли курс на отделение от Грузии. В конце августа Верховный совет автономии принял свою декларацию о независимости (грузинские депутаты бойкотировали заседание). Противники этой меры утверждали, что решение было незаконным, ибо оно принималось вопреки регламенту простым, а не квалифицированным большинством. Верховный совет Грузии отменил его.

В декабре председателем Президиума Верховного совета Абхазии стал Владислав Ардзинба, востоковед, долгое время работавший в Москве, но защитивший диссертацию в Тбилиси. Последнее обстоятельство и позволило ему стать директором Академического института в Абхазии. Ардзинба получил известность как народный депутат СССР. Он являлся сопредседателем фракции «Союз», главным лозунгом которой было сохранение СССР. Фракция пользовалась особыми симпатиями военного ведомства и спецслужб. Гамсахурдиа в обращении к абхазскому народу назвал Ардзинбу «предателем» и «орудием Москвы». Но это не мешало его популярности в Абхазии. Назначение Ардзинбы на пост председателя Президиума состоялось в результате соглашения грузинских и абхазских депутатов.

В автономии состоялись парламентские выборы на основе квот, гарантировавших представительство различным этническим группам (грузинские журналисты назвали их «апартеидными выборами»). В 65-местном парламенте Абхазии грузины (45,7% населения) получали 26 мест, абхазы (17,8%) — 28, а все прочие — 11.

По сравнению с Южной Осетией в Абхазии Гамсахурдиа действовал более осторожно, избегая войны, но многие его заявления буквально подливали масла в огонь: президент Грузии даже утверждал, что «никакой абхазской нации не существует».⁸

⁸ Жоржолиани Г. Исторические и политические корни конфликта в Абхазии // Грузия. Тбилиси, 2000. С. 61.

При этом немалая часть грузинской общественности считала сепаратистские движения лишь искусственными творениями союзных ведомств. Это было опасное заблуждение. Порой грузинские аналитики даже копировали язык советских идеологов, обличавших национальные движения на территории СССР. Звучали слова об «этнократиях» и о «марионетках», выполняющих указания «хозяев» извне.

Гамсахурдиа, диссидент, ставший президентом, оказался заложником своей воинственной риторики. Для противодействия сепаратистам создавались военизированные формирования, а их популярные руководители вскоре стали представлять немалую опасность для него самого. Одна из таких организаций, «Мхедриони», была организована Джабой Иоселиани.

Экзотическая фигура Иоселиани характеризует особенности советской Грузии. Студент Ленинградского университета, поступивший в вуз по поддельным документам, он не завершил образование и в 1948 г. был осужден за разбой. В тюрьмах Иоселиани, получивший со временем статус «вора в законе», отсидел в общей сложности 20 лет. В заключении Иоселиани начал и свою литературную деятельность, которая привлекла внимание грузинских писателей. Последовали просьбы деятелей культуры о помиловании, они были удовлетворены. Вскоре известный уголовник и начинающий писатель закончил вечернюю школу и уже на полном основании поступил в Театральный институт. Далее последовали диплом, диссертации, ученые степени. Книжки Иоселиани печатались, его пьесы ставили грузинские театры. Но научную, педагогическую и творческую деятельность энергичный интеллигент продолжал сочетать с различными деловыми операциями, используя свои связи в преступном мире. Политические оппоненты называли его «Дон Джаба Корлеоне».

Человек с такими способностями, темпераментом и амбициями не мог остаться в стороне. Удивительным образом организация «Мхедриони», созданная в 1988 г., была зарегистрирована как «Корпус спасателей». Организация финансировалась «теневицами». «Спасатели» Иоселиани участвовали в боевых действиях в Южной Осетии. По разным оценкам, «под ружьем» находилось от 1,5 до 5 тыс. «всадников». «Мхедриони» обвиняли в рэкете и грабежах. Плохо поддающийся контролю Иоселиани предоставлял опасность для Гамсахурдиа и в феврале 1991 г. был арестован за... хранение пистолета. Для разоружения боевиков Гамсахурдиа прибег к помощи ненавистной Советской армии: несколько десятков танков окружили базу «Мхедриони».

Президент сделал ставку на другое военизированное формирование, по его инициативе создавалась Национальная гвардия, которая должна была стать основой вооруженных сил независимой Грузии. Ее возглавил другой деятель культуры, 52-летний Тенгиз Китовани, который во всех анкетах именовал себя «художником». У свободного художника тоже была судимость.

К августу 1991 г. Грузия существенно продвинулась на пути к достижению независимости. Темп этого движения был значительно выше, чем в других «братских республиках». Но оборотной стороной этого движения было нарастание этнических и политических противоречий, создавших условия для гражданской войны и кровавых межнациональных конфликтов.

5.3. Войны Грузии

К августу 1991 г. в ряде республик СССР возникла патовая ситуация. Провозглашение независимости приводило к возникновению двоевластия, сосуществования властей союзных и властей республиканских, стремившихся достичь реального суверенитета. Поражение августовского путча 1991 г. предоставило им фактическую независимость.

Гамсахурдиа в этот период оказался в сложном положении, поскольку в критический момент не осудил путч. Первоначально он заявил, что события в Москве Грузии не касаются: они происходят на территории чужого государства. Но затем Гамсахурдиа был вынужден вступить в переговоры с советским командованием в Закавказье, стремясь сохранить Национальную гвардию, зародыш новой грузинской армии. Последней был предоставлен статус подразделения, подчиненного МВД. Эта позицию осудила сама Национальная гвардия, а также ряд видных политиков, включая премьера Сигуа и министра иностранных дел. Министры были отправлены в отставку, но конфликт с Национальной гвардией продолжался. Ее командующий Китовани, которого президент пытался сместить с должности, вывел подразделения из города и расположил их в окрестностях Тбилиси.

Между тем президента молодого государства все больше людей воспринимали как человека авторитарных взглядов. Разгон полицией оппозиционной демонстрации 2 сентября был воспринят необычайно болезненно. Несколько человек получили ранения в результате начавшейся стрельбы.

Последовали массовые митинги протеста, в которых участвовали и бывшие сторонники Гамсахурдиа. Гвардейцы поддержали политическую оппозицию, прибыв на защиту работников телевидения, боровшихся за свободу слова.

Конфликт нарастал, попытки достигнуть компромисса ни к чему не привели. Двадцать второго декабря произошло еще одно кровавое столкновение у здания парламента. Национальная гвардия вновь вошла в город и вступила в бой со сторонниками президента. Гвардейцев поддержали отряды «Мхедриони», которые возглавил Иоселиани, освобожденный из тюрьмы. Гамсахурдиа обращался за помощью к российским войскам, но они не вмешивались в конфликт. Начался штурм парламента, Гамсахурдиа покинул Тбилиси и бежал на территорию Армении. В ходе боев погибло 107 человек. Победители распустили парламент и приостановили действие конституции. Власть была сосредоточена в руках Военного совета, в который вошли Иоселиани, Сигуа и Китовани.

Положение было необычайно сложным. Распад СССР и развал советской хозяйственной системы породили множество проблем во всех постсоветских странах, но в Грузии ситуация усугублялась предшествующими популистскими мероприятиями Гамсахурдиа, гражданской войной, нарастанием сепаратизма и развалом государства. Резко возросла преступность. При этом в преступных деяниях часто были замечены и члены победивших военных группировок, использовавших оружие при разделе сфер влияния.

Легитимность режима вызывала сомнения у других государств, на середину января 1992 г. ни одна страна не признала официально Грузию. В марте семь бывших республик СССР были приняты в ООН. За пределами этой международной организации оставалась только Грузия. Совершенно невероятной выглядела перспектива получения столь необходимых для страны кредитов.

Новый импульс получили сепаратистские движения. С декабря 1990 г. Грузия продолжала экономическую и энергетическую блокаду Южной Осетии, используя то же оружие, которое союзный центр применял по отношению к мятежным республикам. В январе 1992 г. в автономии состоялся референдум. Его участники высказались за «воссоединение» с Россией. После этого военные действия переросли в бои с использованием тяжелого оружия. С середины апреля Цхинвали ежедневно подвергался ракетным обстрелам с грузинских позиций.

Конфликт серьезно влиял на положение в Северной Осетии. Власти российской автономии проявляли сдержанность, хотя испытывали давление со стороны местных радикалов, посылавших

добровольцев на юг. Серьезную социально-экономическую проблему представляли беженцы из зон конфликтов. Всего в Россию бежало 90 тыс. жителей Южной Осетии. Не все расселились в Северной Осетии, но автономия приняла беженцев и из других регионов. В мае Верховный совет Северной Осетии принял решение о открытии Военно-Грузинской дороги, что не могло не отразиться на экономическом положении Грузии.

В Абхазии правительство Гамсахурдиа смогло избежать значительного силового противостояния. Но нарастание кризиса в Тбилиси совпало с усилением стремления Сухуми добиться максимального суверенитета. К тому же Китовани и Иоселиани объявляли политику свергнутого президента в Абхазии «предательством национальных интересов Грузии». Никто не хотел соблюдать предшествующие соглашения Тбилиси и Сухуми.

В автономии были созданы своя таможенная служба, МВД, госбезопасность. Сухуми активно начал участвовать в охватившем Кавказ процессе «национализации» и «приватизации» имущества Советской армии. При этом в руководстве республики происходила борьба: этнических грузин силой отстраняли от власти.

Слабая грузинская государственность не справлялась с обилием проблем. Победителям Гамсахурдиа следовало позаботиться о придании своему режиму респектабельного облика. Торжественное восстановление конституции 1921 г., произошедшее 21 февраля 1992 г., воспринималось скорее как декоративное мероприятие.

Триумvirат победителей призвал в Грузию 64-летнего Шеварднадзе. Он прилетел 7 марта 1992 г. Есть основания полагать, что решение о возвращении бывшего первого секретаря было принято ранее. В феврале в США Шеварднадзе подписал с одной из американских компаний протокол об ее участии в экономическом возрождении Грузии.⁹

Режим приобрел видимость легитимности. «Седой лис», противостоявший консерваторам в советском руководстве, выглядел реформатором и «западником». В то же время он олицетворял ностальгическое стремление к стабильности, нараставшее на постсоветском пространстве. Связи в России и поддержка многих влиятельных людей в Грузии позволяли ему оставаться политическим тяжеловесом. Помогали и контакты, установленные в дипломатический период его карьеры: для западных политиков Грузия была «страной Шеварднадзе».

Военный совет в марте объявил о своем самороспуске. Вместо него создавался Государственный совет, в который вошли представители более пяти десятков партий и общественных организаций.

⁹ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 10.

Этот временный орган должен был существовать до парламентских выборов, намеченных на конец года. Президиум Госсовета состоял из четырех лидеров (Иоселиани, Китовани, Сигуа, Шеварднадзе), каждый из которых обладал правом вето. Первоначально власть Шеварднадзе, председателя Госсовета, была скорее символической, Китовани и Иоселиани, опиравшиеся на военные формирования, порой принимали решения без его ведома. Но через некоторое время Шеварднадзе смог стать первым среди равных.

Его успехом стало «замораживание» конфликта в Южной Осетии. Вице-президент России А. Руцкой потребовал введения против Грузии экономических санкций. Та, в свою очередь, обвинила Россию в имперских амбициях, но Шеварднадзе согласился на проведение российско-грузинской встречи с участием представителей Южной и Северной Осетии. В июне Ельцин и Шеварднадзе подписали соглашение. В регионе дислоцировались батальоны российских и грузинских войск, которые получали статус миротворцев, третий батальон был осетинским. Создавались смешанные комиссии и группы наблюдателей за соблюдением соглашения о прекращении огня. В июле Грузия прекратила экономическую блокаду Южной Осетии.

Требование Цхинвали об установлении договорных отношений с Тбилиси учтены не были, Шеварднадзе мог записать это в свой актив. Правда, его оппоненты заявили, что соглашение создаст правовую базу для пребывания российских войск на территории Грузии, а Тбилиси не обретал реального контроля над большей частью территории области. Однако дальнейшие события отвлекли внимание общественного мнения от этого региона. Да и само прекращение военных действий не могло не восприниматься позитивно: в ходе боев 93 села были полностью сожжены, а Цхинвали оказался разрушен на 20%.

Вскоре были установлены дипломатические отношения с Россией. Грузию признавали и другие страны, а 4 августа она стала членом ООН. В этот же день был отменен режим чрезвычайного положения в Тбилиси.

Однако внутренняя обстановка продолжала оставаться нестабильной. Этим воспользовался бывший президент, перебравшийся в Чечню. Гамсахурдиа вместе с Д. Дудаевым участвовал в эффективных мероприятиях, посвященных созданию антироссийских «общекавказских» объединений, которым не суждена была долгая жизнь. МИД Грузии направил в Россию ноту протеста, требуя прекратить деятельность «террористического центра» в Грозном, в то время как Гамсахурдиа из Чечни призывал народы Кавказа объединиться против политики «российского неокOLONиализма».

Между тем сторонники экс-президента начали партизанскую борьбу в ряде районов, прежде всего в Мегрелии, где они пользовались массовой поддержкой, поскольку Гамсахурдиа по своему происхождению мегрел. В немалой степени этому способствовали бесцеремонные действия «Мхедриони» по отношению к местному населению. «Забастовка протеста» в Западной Грузии переросла в настоящую железнодорожную войну: взрывы мостов и путей перестали быть сенсацией. Поезда подвергались разграблению при активном участии местных жителей, все население ряда деревень участвовало в этой «рельсовой войне». В июле 1992 г. звиадистские восстания охватили целые районы, повстанцы захватывали экономические и стратегические объекты, арестовывали чиновников. В августе во время переговоров были пленены вице-премьер Грузии, министр внутренних дел и два его заместителя. Заложников удерживали на территории Гальского района Абхазии, населенного по преимуществу грузинами, в котором звиадисты пользовались поддержкой.

Власти Тбилиси был брошен открытый вызов, и 14 августа, через 10 дней после вступления Грузии в ООН, на территорию Абхазии вошли правительственные отряды. Перед ними ставилась задача освобождения заложников и восстановления транспортного сообщения. Войска без особых проблем продвигались вперед. Очевидно, на этом этапе Китовани и некоторые другие военные руководители решили использовать наличную группировку для окончательного решения абхазского вопроса. Таким образом, они вышли за пределы задачи, поставленной Госсоветом. Высказывалось предположение, что Китовани торопились установить свой контроль над ресурсами Абхазии.

Несколько ранее, в июле 1992 г., Верховный совет Абхазии восстановил конституцию 1925 г., предусматривающую договорные отношения с Грузией. Грузинская общественность была возмущена, хотя отчасти действия абхазского парламента были спровоцированы восстановлением грузинской конституции.

Грузинская бронетехника вошла в Сухуми, но неожиданно для организаторов операции они столкнулись с отчаянным сопротивлением. После тяжелых боев Китовани занял город, правительство Ардзинбы перебралось в Гудауту.

Некоторые исследователи полагают, что Шеварднадзе не знал всей правды о планах своих подчиненных. Заняв Сухуми, они поставили его перед свершившимся фактом. Утверждают, что председатель Госсовета безуспешно требовал от Китовани приостановить наступление. Однако публично Шеварднадзе счел нужным поддержать операцию. С позиций сегодняшнего дня это решение не выглядит продуманным. Но тогда оно сразу же принесло Шеварднадзе

ощутимые политические дивиденды. Война способствовала политической консолидации грузинского общества. Заложники были освобождены, ряд полевых командиров звиадистов участвовали в походе в Абхазию. К тому же из Тбилиси в Абхазию направлялись отряды «Мхедриони» и другие военизированные формирования. Удаление воинственной вольницы из столицы объективно укрепляло позиции председателя Госсовета.

Трудности, с которыми столкнулись в Абхазии Китовани, а затем Иоселиани также укрепляли авторитет Шеварднадзе: выход мог быть найден только на путях переговоров с Россией, и тут-то его дипломатический опыт оказался востребован. Ельцин не без основания полагал, что конфликт будет способствовать радикализации национальных движений на Северном Кавказе. Не ощущая российской поддержки Ардзинба был вынужден согласиться на размещение грузинских войск в Абхазии. В сентябре 1992 г. Ельцин предложил Шеварднадзе и Ардзинбе пожать друг другу руки и торжественно провозгласил: «Война в Абхазии закончена».

Наверняка многие присутствующие в это не верили. Политический жест президента России создавал образ всемогущей великой державы, водворяющей мир в «своей зоне влияния». В действительности же ресурсы державы были ограничены, а само управление ею — дезорганизовано. Но образ соответствовал уже сложившимся стереотипам, и когда военные действия в Абхазии возобновились, то грузинское общественное мнение возложило всю ответственность на «империю». Странным образом современная русофобия оказалась генетически связана с давним русофильством: образ всемогущего царя живуч не только в России.

Первоначально соглашение воспринималось как успех Шеварднадзе. Парламентские выборы, состоявшиеся 11 октября 1992 г., свидетельствовали об укреплении его позиций. Парламент избирался на три года, за этот срок должна была быть разработана новая конституция.

Блок «Мир», поддерживавший председателя Госсовета, получил 20,38% голосов и завоевал 29 мест из 150, распределявшихся по пропорциональной системе. Кроме того кандидаты блока одержали победу в 6 из 75 одномандатных округов (в 9 одномандатных округах Южной Осетии, Абхазии и Западной Грузии выборы не состоялись). Блок «11 октября», объединявший молодых интеллектуалов, противостоявших первоначально Компартии, а затем Гамсахурдиа, получил в общей сложности 19 мест. Блок «Единство», также поддержавший Шеварднадзе, — 15 (список блока украшали имена видных деятелей культуры). Национально-демократическая

партия Чантурия завоевала 14 мест. Всего же в парламенте оказались представители 24 партий и блоков, а также 60 независимых депутатов-одномандатников. Среди последних были Иоселиани, Китовани, Сигуа, а также немало аппаратчиков советских времен.

В целом, выборы оценивались наблюдателями как свободные и честные, хотя Гамсахурдиа обвинил их организаторов в фальсификации.

Первоначально Шеварднадзе предполагал примкнуть к блоку «Мир», однако было сочтено, что это поставит блок в заведомо выигрышную ситуацию. В итоге создали специальный пост председателя парламента, избираемого особым всенародным голосованием. Эти выборы также состоялись 11 октября, в них участвовало 74% избирателей, из них 96% проголосовало за Шеварднадзе. Многие грузины, голосовавшие полтора года назад за самого радикального радикала, поддержали теперь политического ветерана, обещавшего стабильность.

Шестого ноября парламент принял закон, наделявший Шеварднадзе правами главы государства. Он возглавлял исполнительную власть и становился главнокомандующим вооруженными силами. По его рекомендации парламент утвердил главой кабинета министров Т. Сигуа. В правительство входили и бывшие коммунистические функционеры, и ветераны национального движения. Разномастный характер кабинета затруднял проведение согласованной политики, в том числе и политики экономической. Однако надо признать, что возобновившиеся бои в Абхазии в сочетании с партизанской войной, которую продолжали непримиримые звиадисты, затруднили бы действия любого правительства.

Относительно Абхазии Грузии следовало договариваться не только с Ельциным. В это время различные ведомства России проводили свою внешнюю политику, не согласуя ее с Министерством иностранных дел. Особую активность проявляли Министерство обороны и спецслужбы, а среди генералов и чекистов Шеварднадзе и грузинское национальное движение имели немало недругов. Тогдашний вице-президент и спикер парламента России, многие депутаты и чиновники также имели свое видение ситуации. К тому же на абхазском поле появились другие игроки, не всегда контролируемые Москвой: казачьи организации, движения народов Северного Кавказа. Конфедерация народов Кавказа видела Сухуми столицей нового государства.

Шеварднадзе также не контролировал грузинские силы. Китовани, пополнивший свой арсенал после налетов на российские базы в Грузии, вновь рвался в бой. Боевые действия возобновились. Грузинские военные утверждали, что поддержку абхазским силам оказывали российские войска. В октябре абхазские отряды заняли

Гагры. Пытаясь добиться перелома, Грузия использовала боевую авиацию. Возрастало и военное вмешательство России. Грузинские источники утверждали, что с февраля 1993 г. российские военно-воздушные силы начали наносить удары по Сухуми. В марте силы ПВО Грузии сбили СУ-27, принадлежащий России. Шеварднадзе заговорил о «русско-грузинском конфликте».

В то же время ширилось восстание звиадистов в Западной Грузии. В Зугдиди прибыл Гамсахурдиа, объявивший поход на Тбилиси. Звиадисты готовились к большим боям, монтировали установки «Град» на грузовики. Гамсахурдиа назвал Шеварднадзе марионеткой Москвы, а его командиры вербовали русских наемников. Недостаточно прочным было и положение Шеварднадзе в столице, он подвергался острой критике со стороны различных политических сил. Политический кризис переплетался с кризисом экономики. Отсутствовали самые необходимые вещи, не хватало хлеба. Толпы отчаявшихся людей штурмовали булочные и хлебокомбинаты. Во время «хлебных бунтов» люди гибли в давке.

Символом грузинской трагедии стали женщины в черном: очень многие семьи потеряли своих близких в первые два года независимости...

Государство не могло обеспечить сбор налогов, но «теневое налогообложение» работало прекрасно. Вместо постов ГАИ появились патрули различных группировок, которые «приватизировали» участки автомагистралей и собирали свои «таможенные пошлины». Впрочем, в то время сложно было провести четкую границу между преступниками и чиновниками, занимавшимися самофинансированием. Свои «налоги» собирали отряды «Мхедриони» и национальной гвардии. Звиадисты тоже взимали «таможенные сборы».

Приватизировалась даже государственная граница. Когда грузинские таможенники попытались установить посты на границе с Турцией в районах, где проживали армяне, то их обстреляли: местным жителям не нужны были «конкуренты».

Власти Аджарии «делились» с Тбилиси: но лишь менее трети таможенных сборов шло в госбюджет. При этом население автономии поддерживало власти, которые балансировали, используя свои связи как с грузинским руководством, так и с турецким правительством. Немалую роль при этом играла поддержка, оказываемая Батуми командованием российской дивизии, дислоцированной в Аджарии. Грузинские источники утверждали, что дружба российских военных и аджарских политиков основывалась на взаимовыгодных деловых операциях. Но население автономии поддерживало свою власть: Аджария не была вовлечена в гражданскую войну, а людей не грабили на дорогах.

Отсутствие порядка на дорогах было продемонстрировано летом 1993 г., когда погиб Фред Вудраф, офицер ЦРУ, помогавший Шеварднадзе создавать службу безопасности. Машина, в которой он ехал вместе с двумя девушками и руководителем грузинских спецслужб, была обстреляна. Суд признал, что Вудраф погиб в результате «случайного выстрела», убийца был осужден. Но в случайность выстрела поверили не все.

В этой сложной ситуации Шеварднадзе значительно укрепил свое положение. Четырнадцатого сентября 1993 г. он потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий. Ряд влиятельных политиков, включая Иоселиани, категорически осудили этот план. Тогда Шеварднадзе подал в отставку. Это был тонко рассчитанный акт политического шантажа: в сложившейся ситуации «седой лис» был незаменим. Депутаты попросили его пересмотреть решение. Шеварднадзе отказался. На улицы Тбилиси вышли многотысячные демонстранты, они умоляли лидера оставаться на посту, некоторые вставали на колени. Шеварднадзе согласился пересмотреть свое решение, парламент не мог не предоставить ему чрезвычайных полномочий. Первоначально их срок был ограничен двумя месяцами, но затем полномочия продлевались. Лишь в конце февраля 1994 г. парламент отказался их продлить, но власть главы государства к этому времени уже существенно укрепилась.

Народ видел в Шеварднадзе спасителя и ждал от него чуда. Глава государства отправился на абхазский фронт, но не в его силах было предотвратить поражение. Абхазские силы, пользуясь поддержкой России, заняли 27 сентября Сухуми. Находившийся в городе Шеварднадзе направил срочное послание Ельцину. Он заявлял о готовности своей страны вступить в СНГ и просил остановить наступление. Но вряд ли Ельцин смог бы помешать падению Сухуми... Значительная часть грузинского населения бежала из города. В эвакуации участвовали корабли Черноморского флота России. Впоследствии российские СМИ утверждали, что и сам Шеварднадзе был вывезен из осажденного города с помощью русских военных, однако он категорически это отрицал.

Поражения в Абхазии привели к обострению обстановки в Грузии. Усилилась критика легальной оппозиции, а звиадисты продолжали наступление. В этой обстановке Шеварднадзе просто вынужден был искать взаимопонимания со своими оппонентами и с Россией. Несмотря на унижительное поражение, он вновь отправился в Москву. В октябре 1993 г. Грузия присоединилась к СНГ. Ельцин обещал предоставить оружие, энергоносители, способствовать охране коммуникаций. Тем временем Шеварднадзе вновь вступил

в союз и с Иоселиани. Отряды «Мхедриони», получившие тяжелое вооружение, двинулись в Западную Грузию.

Поддержка северного соседа сыграла свою роль в ликвидации звиадистского движения. В ноябре Черноморский флот высадил десант в Поты, российские военные не участвовали непосредственно в боевых действиях, но само их присутствие оказало немалое воздействие. Правительственные войска заняли Зугдиди, а в конце 1993 г. в одном из высокогорных сел погиб Гамсахурдиа. Обстоятельства смерти бывшего президента не вполне ясны (называются даже разные даты его гибели). Распространялись невероятные слухи о том, что бойцы «Мхедриони» расстреляли экс-президента в присутствии Шеварднадзе. По некоторым данным, в его ликвидации участвовали российские специальные части. По другим — он покончил жизнь самоубийством.

В феврале 1994 г. в Тбилиси прибыл Ельцин. Во время визита был подписан «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» между Россией и Грузией. Был заключен еще ряд документов, среди них — соглашение о нахождении четырех российских военных баз на грузинской территории. Ельцин старался произвести благоприятное впечатление на грузинское общественное мнение. Выступая в национальной Академии наук он даже заявил: «В трагедии Абхазии есть и доля вины России».

В марте грузинский парламент ратифицировал соглашение о вступлении страны в СНГ. Но Государственная дума России отказалась ратифицировать договор с Грузией. Депутаты разных политических взглядов утверждали, что следствием соглашения станет дестабилизация всего Кавказа. В этой ситуации президент России заявил о том, что он не представит договор на ратификацию до тех пор, пока статус Абхазии и Южной Осетии не будет точно определен в грузинской конституции. Правительство России отказалось обсуждать планы о включении Грузии в рублевую зону.

Протестовали против соглашений и в Грузии. Министр обороны, недовольный договором о базах, подал в отставку. Его обязанности временно стал исполнять сам Шеварднадзе. Между тем на митингах его называли человеком, погубившим независимость страны.

В апреле 1994 г. было подписано соглашение о заключении перемирия в Абхазии. Это перемирие нарушалось, люди продолжали гибнуть, но в целом конфликт удалось «заморозить», война прекратилась. Между грузинскими и абхазскими войсками заняли свои позиции российские миротворцы, их численность составила 1500 человек. Шеварднадзе первоначально возражал против того, чтобы состав миротворцев был исключительно российским, одна-

ко США и другие постоянные члены Совета Безопасности ООН согласились послать лишь международных наблюдателей. Президент Клинтон, посетивший Москву в 1994 г., сравнил действия российской армии в Грузии с операциями США (Гренада, Панама, Гаити).¹⁰ Вскоре в регион прибыло 136 наблюдателей ООН (это была первая миссия такого рода на территории бывшего СССР).

Во время войны в Абхазии погибло примерно 10 тыс человек. Большую часть их составили мирные жители, пострадавшие как от бомбежек с артобрелами, так и от этнических чисток. Память о жестоких убийствах мирных жителей и военнопленных делает весьма затруднительным любой грузино-абхазский диалог.

Большая часть населения Абхазии покинула во время войны ее территорию: на 1 января 1987 г. в ней проживало 535 тыс человек, а на 1 января 1997 г. — всего 145 тыс. Не менее 200 тыс переместилось на территорию Грузии, что сказалось на социально-экономическом положении страны.

В результате войны существенно изменился этнический состав населения Абхазии. До войны грузины составляли 50,6% населения страны, а в 1997 г. — всего 15. Грузины сравнялись по численности с русскими. Самой крупной группой стали абхазы (40%), хотя и их численность сократилась с 93 до 53,9 тыс. Во вторую по размеру этническую группу превратились армяне (25%).¹¹

5.4. Грузия Шеварднадзе: особенности президентской вертикали

Прекращение войны позволило Шеварднадзе укрепить свою власть, но эта власть не распространялась на всю Грузию. «Замораживание» конфликтов в Южной Осетии и Абхазии привело к появлению республик, не признанных мировым сообществом.

Режим Цхинвали не контролировал всю Южную Осетию, грузинские села образовывали ряд анклавов. Президентом Южной Осетии в 1993 г. избрали ректора Пединститута Л. Чибирова, который был готов вести диалог с Тбилиси. Однако на выборах в 2001 г. победил 38-летний Э. Кокойты (Кокоев), бывший в свое время чемпионом Грузии по вольной борьбе. Комсомольский работник, возглавлявший во время войны отряд ополченцев, а потом

¹⁰ *McGiffert Ekerdahl C., Goodman M. A. Op. cit. P. 274, 277.*

¹¹ *Жоржолани Г. Указ. соч. С. 73, 96–97.*

занимавшийся бизнесом в Москве, занял жесткую позицию по отношению к грузинскому правительству.

Экономика Южной Осетии в результате войны была разрушена. Поддержка Северной Осетии и федерального бюджета России позволяла существовать структурам непризнанного государства. Все большее значение приобретала и контрабанда, которая облегчалась тем, что жителям Южной Осетии для посещения России не нужны визы (с декабря 2000 г. граждане Грузии потеряли возможность свободно пересекать границу). На ярмарке Эргнети рядом с Цхинвали торговцы со всей Северной Грузии закупали дешевые товары из России. Большой доход приносил и вывоз спиртного в Россию (только в 1996 г. он составил до \$500 млн). Некоторые обозреватели утверждали, что своей победой Коккойты был обязан поддержке крупных контрабандистов, осетинских и грузинских, обеспокоенных перспективой прекращения выгодного бизнеса.

В Абхазии режим Сухуми установил контроль над всей территории, за исключением горной части Кодорского ущелья, населенного сванами. Ардзинба был переизбран на пост президента в 1999 г., получив 99% голосов (беженцы не участвовали в голосовании). Ранее парламент Абхазии принял Акт о государственной независимости. Грузия в качестве законного правительства Абхазии признает тех представителей власти, которые бежали в Тбилиси, они образуют «правительство в изгнании». Граница Абхазии с Грузией закрыта. Положение на российской границе менялось неоднократно. Так, в 1996 г. Россия ввела экономические санкции против Абхазии.

Конфликт в Абхазии неоднократно «размораживался». Партизанская война не прекращалась, иногда она переходила в масштабные бои. В 1998 г. десятки тысяч грузин вновь были вынуждены покинуть Абхазию. Некоторые потом вернулись, но многие живут в своих домах лишь в период полевых работ, а остальное время проводят за пределами Абхазии. В 2001 г. грузинские партизаны при поддержке чеченских боевиков начали бои в Кодорском ущелье, абхазские силы отбили это наступление. Во время боев был сбит вертолет с наблюдателями ООН, 9 человек погибло. В район были введены российские миротворцы. Российская авиация бомбила район (впоследствии было заявлено об «ошибке» пилота). Парламент Грузии обвинил Россию в агрессии, потребовал выхода своей страны из СНГ, вывода российских баз и миротворцев. МИД Грузии прервал переговоры по подписанию нового договора.

Конфликт в дальнейшем также приводил к обострению отношений между Грузией и Россией. Например, весной 2002 г. жите-

ли Абхазии в массовом порядке стали получать русские паспорта, это вызвало острую реакцию Тбилиси.

С конца 1999 г. начался некоторый экономический рост в Абхазии. Но наряду с легальной экономикой процветает и нелегальный бизнес. Контрабанда, в том числе и контрабанда оружия, странным образом объединяет различных участников конфликта. В разное время пресса писала о соответствующей деятельности режима Сухуми и правительства в изгнании, грузинских партизан и российских миротворцев. Тбилиси был заинтересован в скорейшем разрешении конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, но многие влиятельные чиновники получали немалую выгоду от сохранения статус-кво.

Аджария формально признавала власть Тбилиси. Политическая и экономическая власть в автономии принадлежала Аслану Абашидзе. Контроль над таможенными сборами и доходы от контрабанды были для него важным финансовым источником. Абашидзе контролировал силовые ведомства Аджарии, включая МВД и службу безопасности. Батуми даже проводил свою внешнюю политику, этому способствовали особые связи Абашидзе с министром обороны России П. Грачевым и мэром Москвы Ю. Лужковым. Отношения Шеварднадзе и Абашидзе переживали различные фазы. Попытки Тбилиси укрепить свое влияние в Аджарии приводили к охлаждению, но оба лидера считали нужным вновь заключать политический союз. Символом особого статуса автономии было изменение ее конституции в 2001 г. На очередных выборах режим Абашидзе получил 99,2% голосов.

«Маленькие Абашидзе» в других районах Грузии мечтали о повышении своего статуса, однако Шеварднадзе пресек эти попытки, хотя степень его влияния в разных частях страны была различной.

Еще в марте 1993 г. парламент Грузии сформировал конституционную комиссию, которая должна была составить новый основной закон. Шеварднадзе предлагал введение президентской республики, подобной той, которая была создана в России. Однако проект не смог получить поддержку квалифицированного большинства в парламенте.

В итоге конституция предусматривала президентскую форму правления. Министры подчинялись главе государства, пост премьера отсутствовал. Президент назначал министров с согласия парламента, но смещал их единолично. Однопалатный парламент из 235 депутатов представлял законодательную власть. Президент не имел права распускать парламент. Часть депутатов избиралась от одномандатных округов, часть — по пропорциональной системе, в последнем случае партии следовало преодолеть 5%-ный барьер. Определение статуса регионов было отложено вплоть до разреше-

ния внутренних конфликтов: конституция не гарантировала восстановления ликвидированных автономий.

В августе 1995 г. текст конституции был согласован. Двадцать девятого августа Шеварднадзе ехал на церемонию торжественного подписания основного закона, но рядом с его машиной прогремел мощный взрыв. Удачное покушение отбросило бы страну на несколько лет назад, ввергнув ее в хаос. Но выживший Шеварднадзе смог использовать ситуацию для укрепления своей власти. Удары были нанесены сразу по нескольким политическим силам, которые могли бы быть заинтересованы в его устранении.

Был распущен корпус спасателей Грузии, созданный на базе «Мхедриони». В мае 1994 г. были арестованы некоторые члены «Мхедриони» в Кахетии, их обвиняли в преступной деятельности. Затем последовал указ о разоружении данной структуры, и Йоселиани не смог этому противостоять. Вскоре он сам был арестован и осужден.

Покушение способствовало успехам Шеварднадзе и тем силам, которые поддерживали его. Президентские и парламентские выборы состоялись одновременно, 5 ноября 1995 г. Шеварднадзе получил 72,9% голосов, его соперник Д. Патиашвили, возглавлявший Компартию Грузии в трагические апрельские дни 1989 г. — лишь 19,1%. Союз граждан Грузии (СГГ), председателем которого был Шеварднадзе, завоевал 23,35%, Национально-демократическая партия Грузии — 7,94, Общество возрождения Грузии — 7,03%. В парламенте эти партии имели 107, 34 и 31 депутатов. Были представлены также еще восемь партий.

Аналитики считают, что выборы 1995 г. были самыми свободными и честными в новейшей истории Грузии. Ситуация уже начала нормализовываться, но режим был еще слишком слаб, чтобы использовать административный ресурс.

Накануне парламентских выборов 1999 г. были приняты поправки к конституции. Теперь партии, чтобы быть представленной в парламенте, следовало преодолеть уже 7%-ный барьер. На выборах вновь победил СГГ. Он получил 41,7% голосов (132 места: 85 депутатов прошли по партийному списку и 47 были избраны от одномандатных округов). Однако и многие голоса, отданные за оппозицию, были фактически голосованием за местную партию власти: основой блока «Возрождение», получившего 59 мест, стала партия Абашидзе, лидера Аджарии.

По сравнению с выборами 1995 г. голосование оказалось менее честным и прозрачным: порой полиция оказывала прямое воздействие на избирательных участках. При выстраивании власти Шеварднадзе использовал прежде всего номенклатуру. Главным

инструментом восстановления монополии государства на использование силы стало министерство внутренних дел. Шеварднадзе не понаслышке знал писанные и неписанные правила милицейской работы. Многие ветераны МВД были ему лично известны.

Но грузинский лидер прекрасно осознавал, что полиция была коррумпирована и жестока, а генералы МВД издавна укрепляли свою власть, собирая компромат на влиятельных сограждан. К старым ведомственным «недугам» прибавились новые. Для укрепления власти в провинции в аппарат МВД включались военизированные группировки, имевшие свой опыт нарушения законов.

Ситуация обострялась и тем, что все государственные служащие, включая полицейских, получали мизерную зарплату. Жалованье министра в 1998 г. составляло примерно \$75 в месяц, полицейского — \$35–40.¹² Между тем для получения должности в государственном аппарате нужно было платить власть имущим. Минимальная «ставка» составляла несколько сотен долларов, а затем еще требовалось постоянно платить начальству. С первых дней службы полицейские стремились оправдать «капиталовложение».

Аппарат МВД перешел на «самофинансирование». Поборы с автолюбителей были самой невинной частью доходов, а торговля компроматом представлялась как спецоперации. Часто чины полиции служили «крышей» для нелегального бизнеса самого разного рода, а порой они сами и были его организаторами.

«Самофинансирование» звеньев государственного аппарата порой ограничивало власть Шеварднадзе: его возможность контролировать их с помощью бюджета не была значительной. Однако уже в конце 1993 — начале 1994 г. полиция нанесла удары по преступным «братствам», были арестованы связанные с ними чиновники. Затем, как уже отмечалось, был нанесен удар и по «Мхедриони».

Государство в лице МВД восстанавливало монополию на использование силы. Резко возросла роль министра Кахи Таргамадзе. Говорили, что с юных лет он дружил с сыном Шеварднадзе. В МВД Таргамадзе служил с 1979 г., а в 1995 г. 40-летний генерал возглавил ведомство. Ходил слух, что пост этот Таргамадзе получил вследствие рекомендации одного из родственников Шеварднадзе, которому была уплачена изрядная сумма. Слух этот не был подтвержден, однако он характеризует отношение к МВД: ведомство воспринималось как мафия.

На отношение многих грузин к Таргамадзе повлияло и то обстоятельство, что он установил контроль над тбилисским «Динамо»,

¹² *Wheatley J. Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delaying Transition in Former Soviet Union. Aldershot; Burlington, 2005. P. 106, 114.*

футбольной командой, считавшейся чем-то вроде национального достояния. После нескольких футбольных скандалов, связанных, в частности, с продажей игроков, Шеварднадзе принял решение о передаче всех акций футбольного клуба республиканскому обществу «Динамо», председателем которого был глава МВД.

Укрепление власти привело к тому, что несколько улучшился сбор налогов, хотя страна в этом отношении значительно отставала от других бывших советских республик, в которых доходы бюджета составляли 25–30% ВВП по сравнению с 12–16% в Грузии.¹³

Укрепляя исполнительную связь в центре и на местах Шеварднадзе опирался на номенклатурных работников, сделавших карьеру в партийном и комсомольском аппарате. С советских времен «правящий класс» Грузии был связан с «теневиками». В постсоветское время эти связи были признаны и оформлены, но немалая часть бизнеса продолжала оставаться «в тени». Это служило дополнительным источником коррупции.

Важнейшими инструментами власти Шеварднадзе стали Совет национальной безопасности и Государственная канцелярия (аппарат последней составлял 600 чиновников). Стремление создать президентские администрации, заменяющие Политбюро и секретариат ЦК, проявлялось не только в этой стране. Но наложение старой традиции на новую конституцию придавало бюрократическому аппарату Грузии некоторые особенности. «Силовые министерства» и дипломатия поглощали основное внимание президента, деятельность прочих ведомств координировалась плохо. Разные министры, опиравшиеся на разные кланы, проводили различную политику.

Наконец, особое значение приобретала семья Шеварднадзе, члены которой обогащались и укрепляли свое влияние. Гурам Ахвледиани — свояк Шеварднадзе — возглавлял несколько важных фирм. Дочь президента Манана Джохтаберидзе, его зять Гия Джохтаберидзе, племянник Нугзар Шеварднадзе обвинялись оппозицией в нарушении закона при проведении приватизации. Обвинения не выдвигались лично против Шеварднадзе. Однако стремление обеспечить безопасность членам своей семьи влияло на процесс принятия политических решений.

Использование старых управленцев и конструирование президентской вертикали не являлось национальной особенностью Грузии. Однако конструирование партии власти в этой стране имело свои отличия.

Когда в 1993 г. появился Союз граждан Грузии, его председателем стал сам Шеварднадзе, но работа по партийному строительству легла

¹³ *Wheatley J.* Op. cit. P. 108.

на плечи 30-летнего Зураба Жвания. Выпускник биофака Тбилисского университета выдвинулся в митинговый период «перестройки»: он создал в 1989 г. движение «зеленых». Жвания противостоял планам создания под маркой Союза граждан рыхлой коалиции разнородных политических сил, объединенных лишь желанием прильнуть к наличной власти. Он стремился создать оформленную и структурированную партию, используя в то же время поборы с «теневиков», а также зачисление рабочих и служащих в качестве «коллективных членов».

И в ее аппарат, и в избирательные списки Союза Жвания включал сравнительно молодых людей, которые не могли начать свою карьеру в советское время. Одним из честолюбивых политиков, избранных в парламент по спискам Союза граждан, был 28-летний Михаил Саакашвили. В 1992 г. Саакашвили, выпускник Киевского университета, изучавший международное право, работал в правительственном аппарате Грузии. Но вскоре он получил стипендию и продолжил обучение в США и во Франции. В 1995 г. был принят на работу в нью-йоркскую юридическую фирму, но Жвания убедил Саакашвили вернуться в Грузию.

Первоначально противоречия внутри Союза граждан выглядели как споры между «старой гвардией», аппаратчиками, доминировавшими в исполнительной власти, и «молодыми реформаторами», проявлявшими активность в парламенте. Спикером был избран Жвания. Аппарат парламента теперь мог быть задействован реформаторами. Соответственно «реформаторы» оказались кровно заинтересованы в укреплении власти парламента.

Но начиная с 1997 г. «реформаторы» получали еще и посты в правительстве. Так, министерство финансов возглавляли поочередно представители этой группы. Конфликты между различными членами «партии власти» были перенесены в правительство, силовики противостояли «реформаторам», а Шеварднадзе лавировал между ними, играя роль «отца нации».

Укрепление президентской вертикали не привело к полному подавлению свободы печати в Грузии. На постсоветском пространстве нигде, кроме Прибалтики, пресса не пользовалась такой свободой. Население, с подозрением относившееся к государственным институтам, доверяло журналистам, но распространению изданий препятствовала нищета потенциальных читателей. Даже в Тбилиси, не говоря о провинции, многие не могли постоянно покупать газету. В этих условиях особое значение приобрел телеканал «Рустави-2». Он не принимался во многих районах, однако в Тбилиси его передачи пользовались большей популярностью. Тележурналисты задевали интересы влиятельных людей, однако с помощью «реформаторов» руководители «Рустави-2» смогли сохранить канал. Независимость

проявил и Верховный суд: когда министерство связи отозвало лицензию на телевидение, суд принял решение в пользу «Рустави-2».

Особенностью Грузии была активность неправительственных организаций. По их количеству страна стала одним из лидеров на постсоветском пространстве (уступая лишь Прибалтике). Развитию этих организаций способствовал Гражданский кодекс 1997 г., упрощавший процедуру регистрации. Сам кодекс был результатом деятельности таких организаций, как Ассоциация молодых юристов и Лига защиты грузинской конституции. Они активно сотрудничали с парламентским комитетом, который возглавлял Саакашвили.

Ряд неправительственных организаций получал гранты от зарубежных фондов, как правило, американских. Однако фонды поддерживали не организации, а определенные программы (честные выборы, борьба с коррупцией). Лишь 1,2% населения участвовало в деятельности неправительственных организаций. Для Эстонии, скажем, соответствующие цифры составляли 43 (эстонцы) и 34% (представители других этнических групп). Впрочем, среди жителей Тбилиси, прежде всего лиц с высшим образованием, эта цифра также была достаточно высока.¹⁴

Шеварднадзе лавировал между Россией и США, стремясь привлечь внимание Запада к своей стране. Между тем общественное мнение Грузии и многие парламентарии считали, что президент чрезмерно уступчив по отношению к северному соседу. Некоторые шаги руководства России заведомо провоцировали недовольство Грузии. Так, в 1996 г. министром обороны был назначен генерал И. Родионов, руководивший в 1989 г. разгоном демонстрации в Тбилиси.

В 1999 г. в Стамбуле состоялась встреча Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Россия взяла на себя обязательство вывести военные базы из Грузии. Была расформирована база в Гудауте, но она стала использоваться контингентом российских миротворцев. Грузинское общественное мнение утверждало, что в такой форме фактически сохраняется военное присутствие России.

Новое обострение российско-грузинских отношений было связано с проблемой Панкисского ущелья. После начала войны в Чечне в этот район, населенный этническими чеченцами, хлынули беженцы. Российское правительство утверждало, что там находятся и боевики. В феврале 2002 г. Москва даже заявила, что в Панкиси скрывается Бен Ладен. Государственный секретарь США отметил наличие структур Аль-Каиды на территории Грузии. Тбилиси вынужден был действовать. Шеварднадзе использовал положение для укрепления связей с США: на Грузию была распространена программа «Обучение

¹⁴ *Wheatley J. Op. cit. P. 148.*

и вооружение», которая предусматривала подготовку американскими инструкторами трех грузинских батальонов, бронегруппы и роты пограничников. Прибытие американских военных обеспокоило российских политиков не менее, чем наличие чеченских боевиков в Грузии. В Думе раздавались весьма резкие заявления. Появились сообщения о том, что российский самолет нанес удар по Панкисскому ущелью.

В то же время МВД Грузии начало разоружение боевиков, в октябре полицейские генералы отрапортовали, что операция успешно завершена. В начале следующего года американский посол в Грузии отмечал, что 90% боевиков покинули Панкиси. Шеварднадзе и Путин подписали соглашение о совместной борьбе с терроризмом. Конфликт был преодолен.

Экономическая слабость Грузии, ее энергетическая зависимость от России ограничивали возможность политического маневра для Шеварднадзе. Поэтому Грузия поддержала международные проекты проведения важных коммуникаций через ее территорию. В 1993 г. заговорили о проекте Европа–Кавказ–Азия, идея создания «Великого шелкового пути» XXI в. приобретала популярность. Многие западные политики и бизнесмены были заинтересованы в том, чтобы ни Россия, ни Иран не могли полностью контролировать поставки энергоносителей из Азербайджана и Средней Азии. В этой ситуации значение грузинской территории существенно возросло. В 1999 г. начал функционировать нефтепровод, идущий от Баку к грузинскому порту Супса. В том же году было подписано соглашение о строительстве более мощного нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Предполагается, что нефть из Азербайджана, а затем и из Казахстана будет поступать на побережье Средиземного моря.¹⁵ Кроме того, идет строительство газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум. Его пуск намечен на сентябрь 2006 г.

Экономический проект повлек и планы создания международного объединения стран, недовольных доминированием России в СНГ. Грузия, Азербайджан, Украина, Молдова и Узбекистан создали организацию ГУУАМ (после выхода из нее Узбекистана она стала именоваться ГУАМ).

5.5. «Розовая революция»: омоложение власти и ее последствия

Важнейшим политическим событием 2000 г. стали президентские выборы. Шеварднадзе получил почти 80% голосов. Сказа-

¹⁵ Свободная Грузия. 2005. 24, 26 мая.

лись ресурсы партии власти, умелая работа избирательного штаба, руководимого Жвания, и тактический ход Шеварднадзе, заключившего соглашение с Абашидзе, который снял свою кандидатуру в пользу президента, после чего дисциплинированный электорат Аджарии проголосовал за Шеварднадзе. Использовались и подтасовки: по официальным данным проголосовало почти 76% избирателей, хотя обозреватели отмечали низкую явку (в выборах президента должна участвовать, как минимум, половина избирателей).

Казалось, президент Грузии обладает тайной политического бессмертия. Однако в стране зрело недовольство. Стабилизация переросла в застой, все говорили о коррупции. Международная организация *Transparence Inernational* заявила, что по масштабам коррупции Грузия занимает 15-е место в мире. Она, правда, отставала от Камеруна, мирового коррупционного лидера, а на постсоветском пространстве ее опережали Узбекистан и Киргизия. Но в Грузии коррупция осознавалась как проблема. СМИ были достаточно свободными, а журналисты и юристы достаточно смелыми, чтобы говорить о коррупции.

Коррупцию связывали с бюджетным кризисом. Расходы на здравоохранение в 1999 г. составляли 0,6% ВВП, расходы на образование — 2,2%. Это было значительно меньше, чем в иных странах соответствующей «весовой категории». На постсоветском пространстве хуже обстояло дело только в Таджикистане. Пенсии в Грузии составляли \$6,5 в месяц. За пределами Тбилиси многие люди не могли пользоваться электричеством, если они не платили взятки, да и в столице электроэнергия поставлялась с перебоями.¹⁶ В 2001 г. 54% населения жили за чертой бедности. Из постсоветских стран Грузию «обгоняли» только Молдова, Таджикистан и Туркменистан.¹⁷

Иногда коррупция способствует стабильности, консолидируя элиту. Но в отличие от Средней Азии и Азербайджана коррупция в Грузии «не работала». Антикоррупционные настроения пытались использовать различные группы политической элиты, включая и известных коррупционеров.

Обострился конфликт между силовиками и аппаратчиками с одной стороны и «молодыми реформаторами» — с другой. Позиции «реформаторов» усилились в 2000 г., когда министром юстиции стал Саакашвили. Еще возглавляя в парламенте комитет по правовым вопросам он бросил вызов МВД, представив Уголовно-процессуальный кодекс, ограничивавший права полиции. Министерство внесло сотни поправок, меняющих смысл документа. Но деятель-

¹⁶ *Wheatley J.* Op. cit. P. 130–131.

¹⁷ <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/gg.html>. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/fields/2046.html>.

ность Саакашвили оценили либеральные юристы и правозащитники Грузии, провозгласив его в 1997 г. «человеком года».

В ведение министерства юстиции перешли тюрьмы. Чины МВД говорили о некомпетентности молодого министра. Казалось, их мнение подтвердилось, когда из двух тюрем бежали известные преступники. Но Саакашвили обвинил полицейских в саботаже, он заявил, что побег организован, чтобы вернуть тюрьмы в управление МВД.

Могущественный глава МВД Таргамадзе заявил, что у него есть компромат на «реформаторов». «Реформаторы» же использовали антикоррупционный комитет парламента. В августе на заседании правительства Саакашвили обвинил в коррупции двух влиятельных министров.

Борьба выплескивалась на улицы. В 2001 г. общественное мнение было взбудоражено убийством Г. Саная, популярного журналиста «Рустави-2». Он готовил репортаж о связях чинов МВД и криминального бизнеса в Панкиси, поэтому заявлению полиции, что убийство не было политическим, мало кто поверил. Критика МВД и госбезопасности усилилась, тогда разъяренный Таргамадзе заявил, что сметет всех, кто стоит у него на пути. Реакция СМИ была весьма острой.

В сентябре Шеварднадзе оставил пост председателя Союза граждан. Это было расценено как стремление опираться на силовиков, аппаратчиков, родственников и друзей, как желание президента дистанцироваться от «реформаторов».

Саакашвили вышел из кабинета и из Союза граждан. Он заявил, что власть не поддается реформированию изнутри, что оставаться в правительстве аморально. Саакашвили был вновь избран в парламент как независимый депутат и создал небольшую фракцию, которая стала центром нового оппозиционного движения. Другие «реформаторы» также стали публично критиковать Шеварднадзе.

Кристаллизации оппозиции способствовали события октября 2001 г. Служба безопасности совершила налет на офис «Рустави-2», телекомпанию обвиняли в налоговых нарушениях, хотя недавние проверки не находили злоупотреблений. Зрители наблюдали действия силовиков в прямом эфире. Налет осудили видные политики, включая Жвания. Состоялись демонстрации протеста, активную роль в них играли студенты. Перед демонстрантами выступал Саакашвили, другие лидеры оппозиции.

Спикер парламента Жвания предложил разрешить кризис путем двойного «политического самоубийства»: в отставку должны уйти глава МВД и он сам. Шеварднадзе принял предложение, а после ухода Тагамадзе и Жвания отправил в отставку всех министров. Правда, большинство членов кабинета, имевших репутацию консерваторов и коррупционеров, получили места в новом правительстве.

Жвания выглядел как ответственный государственный муж, жертвующий карьерой ради блага нации. В действительности для Таргамадзе отставка означала политическую смерть, а для Жвания отдаление от теряющей популярность власти означало новую политическую жизнь.

Спикером стала Нино Бурджанадзе, парламент отверг кандидатуры лиц, близких Шеварднадзе и Абашидзе. Карьеру Бурджанадзе невозможно представить без ее семейных связей, в доме Шеварднадзе она бывала еще в детстве: ее отец, партийный работник, возглавлял республиканский совет по туризму. В постсоветский период он стал состоятельным человеком, руководя корпорацией хлебопродуктов. Муж Бурджанадзе, Б. Бицадзе, был главным военным прокурором Грузии.

Тридцатисемилетняя выпускница юрфака Тбилисского университета, окончившая аспирантуру в МГУ, избиралась в парламент в 1995 и 1999 гг. как член команды Жвания. Она вышла из Союза граждан в 2000 г. Влиятельная Бурджанадзе, не связанная ни с «реформаторами», ни с «консерваторами», возглавляла комитет по международным делам.

Осенью 2001 г. кризис правящей партии перешел в фазу организационного распада. Депутаты разных взглядов покидали фракцию Союза граждан. Проект «Союз граждан» пережил себя. Это подтвердили выборы в местные органы власти в 2002 г. Успехов добилась оппозиция, в том числе Объединенное национальное движение Саакашвили, выдвинувшее лозунг «Тбилиси без Шеварднадзе». Саакашвили возглавил городское собрание столицы. Законодательство не предоставляло значительной власти местным собраниям, но оппозиция получила дополнительные ресурсы и важную трибуну для выражения своих взглядов.

Выборы указывали на глубокие изменения общественного мнения. Наряду с успехами оппозиции они демонстрировали недоверие населения к политической элите в целом: в Тбилиси лишь треть избирателей участвовала в голосовании. В этой ситуации и Жвания, теснимый консерваторами, вышел из Союза граждан, создав новую фракцию «Демократы».

Возможности Шеварднадзе для политического балансирования становились все более скромными. Патриарх грузинской политики заявил, что в 2005 г. удалится на покой. Он поведал, что испытывает отцовские чувства по отношению к Жвания.

Вряд ли «седой лис», прославившийся искусством политического маневра, сделал определенный выбор, усилив одного лидера в ущерб другим. Вернее было бы предположить, что он желал создавать новую ситуацию балансирования, в которой «центристам» Жвания и Бурджанидзе отводилась важная роль. Шеварднадзе пытался создавать новое политическое пространство, способствуя появ-

лению партий, поддерживаемых бизнесменами. В апреле 2003 г. появился и Союз «За новую Грузию», новая «партия Шеварднадзе».

Вместе с тем было ясно: президент желает назначить наследника, который продолжит его курс и обеспечит безопасность его семье. Заговорили о «российском сценарии», о кандидатурах на роль «грузинского Путина». Заявление Шеварднадзе не укрепило его положение, а спровоцировало усиление борьбы за власть. Элиты, обеспокоенные перспективами усиления соперников, справедливо полагали, что в случае поражения они потеряют не только власть, но и свободу.

Обострился вопрос о подготовке парламентских выборов. Шеварднадзе предлагал, чтобы большинство Центральной избирательной комиссии назначались президентом и утверждались парламентом. Оппозиция требовала представительства для основных партий. Соглашения достигнуть не удалось, оппозиция призвала к демонстрациям. Они не были многочисленными, но в акции протеста участвовала популярная Бурджанадзе, впервые выступившая против президента. В июле компромисс был достигнут с помощью Дж. Бейкера, бывшего госсекретаря США.

На оппозицию немалое воздействие оказал опыт Сербии. В 2000 г. С. Милошевич был отстранен от власти под давлением массового движения, в котором важную роль играла молодежная организация ОТПОР. В 2002 г. руководители ряда неправительственных организаций Грузии пришли к выводу, что Шеварднадзе не уступит власть в результате выборов, возникла идея «сербского сценария» — ненасильственных акций протеста, перерастающих в революцию. Тбилиси посетили лидеры ОТПОРа, а активисты неправительственных организаций направились в Белград, поездку финансировал Фонд Сороса. Затем в Сербию поехали Саакашвили и Жвания.

Новым фактором политической жизни стало молодежное движение «Кмара» («Хватит!»), созданное по примеру ОТПОРа с помощью Фонда Сороса. В апреле 2003 г. сотни студентов пронесли флаги Грузинской советской республики с... портретами членов правительства к Государственной канцелярии, где они их торжественно сожгли. В летних лагерях молодежь изучала тактику массовых ненасильственных действий.

Избирательная кампания проходила остро. Саакашвили и его соратники не боялись посещать районы, контролируемые противниками. Митинги перерастали в грандиозные потасовки, в прямом эфире транслировалось как по приказу властей избивают оппозиционеров. Следствием столкновений был рост авторитета Саакашвили: до этого многие граждане, уставшие от разборок политической элиты, не считали его «настоящей оппозицией».

Национальное движение, согласно опросам, пользовалось поддержкой 22,8% избирателей. Опросы участников голосования, транслировавшиеся «Рустави-2» в день выборов, 2 ноября, давали более высокую цифру. Но, согласно предварительным официальным результатам, уверенную победу одержал блок, поддерживавший Шеварднадзе, а движение Саакашвили оказалось на втором месте.¹⁸

Многие были уверены, что итоги голосования сфальсифицированы. Западные наблюдатели критиковали их организацию. В районах, контролировавшихся Шеварднадзе и Абашидзе, были замечены серьезные нарушения. Там же, где оппозиция пользовалась поддержкой, многие граждане не были включены в избирательные списки и не могли голосовать. Когда в ЦИК были обработаны результаты выборов в Аджарии, то блок Абашидзе вышел на второе место. Сторонники аджарского лидера ликовали, но у наблюдателей возникло еще больше сомнений относительно честности выборов.

Правда, президент Грузии был удовлетворен. Ведь в некоторых странах СНГ дело обстояло еще хуже. Например, во время президентских выборов в Азербайджане, состоявшихся в октябре, власти жестоко подавляли оппозицию. Но оппоненты Шеварднадзе считали, что у них украдена победа. Саакашвили сравнил президента с карточным шулером и требовал пересчета голосов. Бурджанадзе и Жвания, выступавшие в составе единого блока, отказались признать итоги. Они требовали нового голосования.

Обстановка накалялась. 8 ноября перед парламентом состоялся большой митинг, многие не покидали площадь целую неделю, несмотря на затяжной дождь. Речь шла уже не о выборах, а о действующем президенте, различные лидеры предлагали разные лозунги. Так, Бурджанадзе говорила, что у Шеварднадзе есть «последний шанс». Но кумиром митингующих был Михаил Саакашвили, резко и грубо требовавший отстранения президента. Под аплодисменты толпы он провозглашал: «Шеварднадзе хочет революции? Он ее получит!» Восторженный митинг скандировал имя кумира: «Миша! Миша!» Президент пытался выступить на митинге, но свист толпы заглушил его слова.

На следующий день возросли рейтинги традиционно непопулярного телевидения Аджарии: в прямом эфире освещался неожиданный визит Шеварднадзе в Батуми. На митинге лидер автономии торжественно обещал поддержку президенту Грузии. Абашидзе посетил Ереван, Баку и Москву. Президенты трех стран выразили поддержку Шеварднадзе.

¹⁸ Официальные итоги были объявлены 20 ноября. Блок «За новую Грузию», поддерживавший Шеварднадзе получил 21,32%, блок «Возрождение» Абашидзе — 18,84, «Национальное движение» Саакашвили — 18,08, лейбористы — 12,4, блок «Бурджанидзе-Демократы», созданный Бурджанидзе и Жвания — 8,79, Новые правые — 7,35%.

Между тем оппозиция решила прервать митинг. Саакашвили призвал к акциям гражданского неповиновения и выехал в провинцию готовить «марш на Тбилиси». В некоторых местах учреждения прекратили работу: где-то чиновники не являлись на службу, где-то их не пропускали манифестанты.

Семнадцатого ноября митинги в столице возобновились, на этот раз свое присутствие обозначили и сторонники власти: тысячи людей приехали на автобусах из Абхазии для поддержки Шеварднадзе. Полиция возвела заграждения, чтобы не допустить столкновений участников двух митингов. Однако «абхазский» лагерь представлял собой пестрое объединение. Наряду с убежденными сторонниками Абашидзе и Шеварднадзе там было немало людей, которым обещали по \$20 в сутки. Поездка в столицу была своеобразной экскурсией, они предпочитали проводить время не на митинге, а в кафе. Но кроме нанятых манифестантов из Абхазии прибыло и несколько сотен полицейских. Жителей же Тбилиси возмутило, что «пришельцы» заняли «их» политическое пространство. Абхазский «десант» укрепил оппозицию в столице.

У Шеварднадзе еще были возможности для маневра. Не только Жвания с Бурджанадзе, но и секретарь Совета национальной безопасности Т. Джапаридзе предлагали ему заключить компромисс с оппозицией. Однако политическое чутье изменило «седому лису»: он видел ситуацию глазами своего узкого круга. Джапаридзе отправили в отставку.

Вечером 21 ноября эффектно завершился «марш на Тбилиси»: Саакашвили во главе колонны автобусов, растянувшейся на несколько километров, прибыл с запада. Одновременно в город вошли колонны с востока. «Рустави-2» транслировал этот марш зрители видели реки огня, текущие к столице. Роль этого телеканала в развитии революции была велика. Так, «Рустави-2» дважды показал документальный фильм С. Йорка «Свержение диктатора», посвященный событиям в Югославии. Он воспринимался как прямое руководство к действию.

Двадцать второго ноября, в день открытия нового парламента, в центре Тбилиси состоялось два митинга. Силы оппозиции были внушительными, на улицы вышло от 50 до 100 тыс. человек. Между тем в здании парламента собрались депутаты. Однако представители оппозиции отсутствовали, не появился и патриарх Грузинской Православной церкви, который должен был благословить собрание. К собравшимся обратился президент, но свою речь он так и не завершил.

Толпа оппозиционеров двинулась к парламенту. Главный вход преграждал митинг аджарцев, но по каким-то причинам боковые подъезды оказались открытыми и почти неохраняемыми. Сотни, затем тысячи людей проникли в парламент. Саакашвили во главе своих телохранителей прорвался в зал заседаний и прервал речь Шеварднадзе. В возникшей суматохе охрана не без труда вывела президента из здания. Шеварднадзе уехал в свою резиденцию и объявил чрезвычайное положение. Согласно закону, это решение должен был утвердить парламент. Но действующего парламента не было.

После отъезда президента Саакашвили пробился к трибуне. Одним глотком осушив стакан чая, поставленный для Шеварднадзе, он призвал Бурджанадзе приступить к исполнению обязанностей главы государства. Толпа заняла государственную канцелярию. В Грузии возникло двоевластие.

На следующий день чины армии и МВД один за другим признали власть Бурджанадзе. Министр иностранных дел России И. Иванов, прибывший в Тбилиси рано утром 23 ноября с посреднической миссией, направился к Жвания, на митинг оппозиции. Это также свидетельствовало о том, что власть ускользает из рук Шеварднадзе. Затем Иванов курсировал между правительственными резиденциями, пытаясь обеспечить компромисс.

На митинге Саакашвили заявил: он дает Шеварднадзе полчаса, чтобы объявить об отставке. В противном случае он угрожал штурмом резиденции. Однако челночная дипломатия Иванова не принесла быстрых результатов и срок ультиматума был продлен. Наконец, вечером состоялась встреча Шеварднадзе, Саакашвили, Жвания и Иванова, после которой 75-летний ветеран грузинской политики объявил о своей отставке.

Саакашвили, вернувшись на митинг, торжественно провозгласил: «Бархатная революция, которую так решительно требовали люди Грузии, свершилась!». Вспоминались советские фильмы, посвященные Великому Октябрю.¹⁹

Утверждали, что у сторонников Саакашвили, двигавшихся к парламенту, в руках были розы, они демонстрировали тем самым свои мирные намерения. Телевидение окрестило события «розовой революцией», или «революцией роз». Честь изобретения удачного штампа оспаривали *CNN* и «Рустави-2».

¹⁹ The Rose Revolution in the Republic of Georgia, 2003 / Z. Karumidze, J. V. Wertsch. (eds.). N. Y., 2005. P. 19.

5.6. Основной вопрос революции

Триумвариат победителей реорганизовывал власть. Бурджанадзе объявила, что на грядущих президентских выборах Саакашвили будет поддержан блоком «Бурджанадзе–Демократы». Заявление означало, что ни она, ни Жвания не выдвинут свои кандидатуры, а это гарантировало победу Саакашвили.

Старый парламент, единственная легитимная власть в стране, одобрил кандидатуры на должности министров. Жвания стал государственным министром, однако было ясно, что фактически он возглавляет кабинет (должность премьера не предусматривалась конституцией).

На выборах 4 января 2004 г. 36-летний Саакашвили получил 96,24% голосов. Были побиты рекорды Гамсахурдия и Шеварднадзе, вспоминались советские «показатели», что вызвало немало ироничных откликов. Но комментарий ОБСЕ гласил, что по сравнению с предыдущими выборами новые находятся значительно ближе к демократическим стандартам.

В феврале 2005 г. старый парламент одобрил поправки к конституции, ряд политиков, включая и некоторых участников революции, подвергали сомнению их законность. Конституция меняла соотношение властей. Вводился пост премьер-министра, который назначался президентом и утверждался парламентом. Эта должность явно создавалась «под Жванию». Кроме того, президент получал право распускать парламент.

В новом правительстве внимание наблюдателей привлекла фигура К. Ломая. Бывший глава отделения Фонда Сороса в Грузии стал министром образования.

В марте состоялись выборы 150 депутатов парламента, избравшихся по пропорциональной системе (Верховный суд аннулировал итоги предыдущего голосования). Блок «Национальное движение–Демократы», представлявший триумвират победителей, получил 66,24% голосов и завоевал 135 мест. Бурджанадзе вновь была избрана спикером парламента.

Выборы спровоцировали политический кризис в Абхазии. ЦИК Грузии объявил, что в ряде округов, где победили сторонники Абашидзе, были допущены нарушения. Результаты были аннулированы, однако власти Абхазии отказались допустить членов ЦИК, прибывших для организации новых выборов. Саакашвили объявил о направлении полицейских сил в Батуми, тогда Абашидзе прика-

зал взорвать мосты на границах автономии. Это была политическая ошибка: прекращение движения затрагивало интересы многих людей. Митинги противников Абашидзе становились все более массовыми и воинственными. 6 мая лидер Аджарии и члены его семьи улетели в Москву. Абашидзе пополнил колонию отставных политиков Грузии, живущих в России (бывший министр обороны Китовани, бывший глава госбезопасности Гиоргадзе, бывший глава МВД Таргамадзе). На новых выборах в Верховный совет Аджарии сторонники Саакашвили получили 72% голосов, затем были приняты законы, которые фактически подчиняли правительство автономии президенту Грузии.

Воодушевленный успехами в Аджарии Саакашвили попытался установить контроль над Южной Осетией, используя ту же тактику, т. е. провоцируя выступления населения против властей. Правительство Грузии решило использовать метод «кнута и пряника». В регион были направлены удобрения, Саакашвили пообещал выплачивать пенсии, восстановить железнодорожное сообщение и начать телевидение на осетинском языке. Одновременно делались попытки создать осетинский филиал движения «Кмара», а к границам автономии были подтянуты крупные полицейские силы под предлогом борьбы с контрабандой.

Власти Грузии закрыли рынок Эргнети, где продавались товары, нелегально ввозимые из России, эта мера затронула интересы жителей пограничных районов, грузин и осетин. К тому же власти Южной Осетии ощущали поддержку России, хотя Москва и не откликнулась на призыв парламента республики признать ее независимость. Грузинские источники сообщали, что через границу переправлялось оружие. Противостояние переросло в вооруженный конфликт, продолжавшийся шесть недель, было убито 17 грузин и 5 осетин. И Россия, и США побуждали Тбилиси прекратить военные действия, и из региона были выведены грузинские силы, которые не входили в состав миротворческих подразделений.

Ситуация в Грузии изменилась 3 февраля 2005 г., когда умер Жвания. Причиной смерти было названо накопление угарного газа, вызванное неисправностью нагревателя в квартире, где находился премьер-министр. Эта версия была подтверждена экспертами ФБР США, однако в нее не верили многие жители Грузии, включая родственников погибшего. На церемонии государственных похорон выступали видные деятели, включая Саакашвили и Шеварднадзе. Новым главой кабинета стал близкий к Жвания З. Ногаидели, министр финансов, однако он не обладал авторитетом своего предшественника.

Президентская республика президента Саакашвили стала еще более президентской. Лидеры «розовой революции» обещали разгромить коррупцию, обеспечить функционирование демократических институтов, обеспечить территориальное единство страны, ввести Грузию в НАТО и Европейский союз. Коррупция была объявлена родимым пятном социализма.

Были произведены показательные аресты коррупционеров, порой операции по задержанию демонстрировались телевидением. Одним из первых был арестован М. Жордания, возглавлявший грузинскую федерацию футбола. Некоторые видные арестанты были, впрочем, освобождены после того как они «вернули» в бюджет значительные суммы. Так, Г. Джохтаберидзе, зять Шеварднадзе, получил свободу после того, как его супруга выплатила казне \$15,5 млн. Нетривиальные методы молодых юристов, гордившихся западными дипломами, вряд ли соответствовали мировым правовым стандартам, однако их поддержало большинство населения.

Планы администрации Саакашвили по преобразованию государственного аппарата получили поддержку ряда международных организаций. Благодаря предоставленным грантам была резко повышена заработная плата налоговыми инспекторами и следователям, расследующим дела коррупционеров. Введение нового налогового кодекса в 2004 г. наряду с прочими задачами преследовало цель борьбы с коррупцией. Вопреки рекомендациям МВФ снижались ставки налогов. Вместе с тем во имя борьбы с преступностью население призывали потуже затянуть пояса. Саакашвили отмечал, что «шоковая терапия» является единственным путем перехода от «криминальной экономики» к рыночной.

В результате принятых мер было обеспечено увеличение собираемости налогов. Соответственно, вырос государственный бюджет. Повысились заработные платы чиновников, выросли пенсии, хотя они по-прежнему оставались мизерными.

Одновременно провели чистку МВД. Примерно 15 тыс. полицейских было уволено. В Тбилиси появилась новая полицейская структура, состоящая из вновь набранных служащих, которые прошли специальную подготовку и получали зарплату, в 10 раз превышавшую официальное жалование их предшественников. Вид подтянутых стражей закона, снабженных новенькими немецкими полицейскими автомобилями, внушал уважение к власти. Саакашвили заявил, что 95% граждан видят в полицейских защитников, а не хищников. Однако ясно было, что процесс реформирования всей системы МВД будет долгим и болезненным.

В системе силовых ведомств все большее внимание уделялось армии, боевые подразделения МВД перешли в штат министерства обороны. С помощью США создавалась регулярная десяти тысячная армия. Во время конфликта с Южной Осетией были объявлены планы подготовки резервистов для предотвращения возможной «интервенции». Проводились сборы, в которых принимали участие видные политики. В 2005 г. в день независимости состоялся военный парад, в котором участвовало 11 тыс. человек. В рядах резервистов зрители могли видеть лица известных государственных мужей.

Процесс укрепления демократии в Грузии был непростым. После революции 2003 и выборов 2004 г. в стране доминировала победившая партия. На местах влиятельные политики перекрашивались в цвета Саакашвили. После того, как «Рустави-2», игравшая роль рупора оппозиции во время революционных событий, стала рупором власти, критика этой самой власти в СМИ звучала слабее.

Авторепрезентация Саакашвили, который откровенно сравнивает себя с Ататюрком и де Голлем, дает основание говорить об авторитарной стилистике его президентства. У нее есть и патриархальная составляющая: президент Грузии видит себя отцом-основателем нового национального государства. Однако влияние различных групп бизнесменов не дает возможность режиму установить контроль над обществом. Другим важным фактором политической жизни Грузии продолжают оставаться неправительственные организации. Хотя некоторые видные их активисты заняли после «розовой революции» важные посты, организации эти порой весьма критически оценивают мероприятия правительства. Кроме того, некоторые лидеры Национального движения покинули правительственный лагерь и приступили к формированию новых оппозиционных партий.

Внешняя политика Грузии существенно влияет на расстановку сил внутри страны. В атмосфере революционного энтузиазма новые лидеры взяли на себя обязательство восстановить территориальное единство в сжатые сроки. Вряд ли эти обещания были реалистичными, но они связывают руководство Грузии. В сложившейся ситуации Россия воспринимается как единственное препятствие на пути установления мира на Кавказе. Распространению этих взглядов способствуют те российские политики, которые призывают к аннексии Абхазии и Южной Осетии.

Требование вывода российских военных баз звучало все громче. В 2005 г. было подписано соглашение об их выводе, который должен завершиться в 2008 г. Но антироссийская риторика продолжает оставаться важным компонентом политического дискурса.

са Грузии. Первоначально Саакашвили заявлял: «Среди тех, кто ругает и оскорбляет Россию немало российской агентуры». Однако впоследствии представитель Грузии в ООН обвинил современную Россию в геноциде, сравнив ее с нацистской Германией, Югославией Милошевича и Руандой. Заявления такого рода служат индикатором возрастания напряженности в отношениях двух стран и преследуют цель интернационализации конфликта. Но в то же время они становятся и фактором, затрудняющим нормализацию этих отношений.

Надежды на восстановление территориальной целостности Грузии возлагаются на США и НАТО. Некоторые заявления западных политиков поддерживают это настроение. Генеральный секретарь НАТО заявил: «Я верю, что осенью 2006 г. Грузия будет готова стать кандидатом в члены НАТО».²⁰

При этом Саакашвили указывает, что пример Грузии оказывает революционизирующее воздействие на все постсоветское пространство. Украинская «оранжевая революция» и события 2005 г. в Киргизии рассматривались как прямое следствие «розовой революции».

Особенно ярко надежды на помощь Запада проявились в Грузии в мае 2005 г., во время визита президента США. Дж. Буш обещал «поддержать молодых лидеров». Особый отзвук имела та часть выступления, в которой он заявил: «Настало время для решения сепаратистских конфликтов в Грузии». Со своей стороны Саакашвили отметил, что Грузия «готова быть главным партнером США в процессе утверждения демократии на пространстве бывшего СССР и на Ближнем Востоке».

Стремление быть «островом свободы» проявилось и в интерпретации истории, лидер «розовой революции», например, заявил: «Страны Балтии и Грузия вместе сумели разрушить советскую империю». Вряд ли под таким заявлением подписались бы ветераны антикоммунистического движения иных стран.

Стремление быть центром экспорта идей демократической революции проявляется и в ряде внешнеполитических акций Грузии. Очевидно, что эта политика приносит определенные политические дивиденды. Бесспорно также, что революционная дипломатия создает и немало проблем.

Основной вопрос всякой революции — это вопрос о том, что делать с революционерами.

²⁰ Свободная Грузия. Неделя. 2005. 20 мая.